ЦЕНТРПОЛИГРАФ

Тамара Т. Райс

БЫТ

РЕЛИГИЯ

КУЛЬТУРА

ВИЗАНТИЯ

Annotation

Книга посвящена Византии, которая просуществовала более тысячи лет и сыграла важнейшую роль в формировании европейской культуры. Вы узнаете о воцарении христианства, пышных и торжественных церковных службах, грандиозных военных сражениях, прекрасных мозаиках и изысканных украшениях, созданных местными мастерами, и о том, во что одевались, как строили и обставляли свои дома знатные вельможи и обычные горожане.

- Тамара Т. Райс
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8

Тамара Т. Райс
Византия. Быт, религия, культура

Дэвиду с любовью и благодарностью за неизменную помощь

Глава 1
Константинополь – сокровище Византии

Византия, или Восточная Римская империя, просуществовала более тысячи лет: с 330-го по 1453 год н. э. В этот период ее нередко называли главной силой своего времени. Она сыграла наиважнейшую роль в формировании европейской культуры. Византия стала первым из великих государств, принявшим христианство в качестве государственной религии, и первым, кто начал жить и управлять в соответствии с христианским учением. Таким образом, даже несмотря на то, что византийцы зачастую вели себя жестоко, властно и вероломно как в частной, так и в общественной жизни, принципы христианства тем не менее оставались для них очень важными. Уважение, с которым они относились к заповедям, на которых построено христианство, передавалось от поколения к поколению, сформировав основу большей части христианской цивилизации Европы. Если бы не было Византии, наш образ жизни развивался бы по путям, отличным от тех, по которым пошел. В особенности это касается стран, исповедующих православие: России, Греции, Болгарии и Югославии; все они последователи одного ответвления христианской церкви, зародившегося в Византии и независимо развивавшегося в Риме.

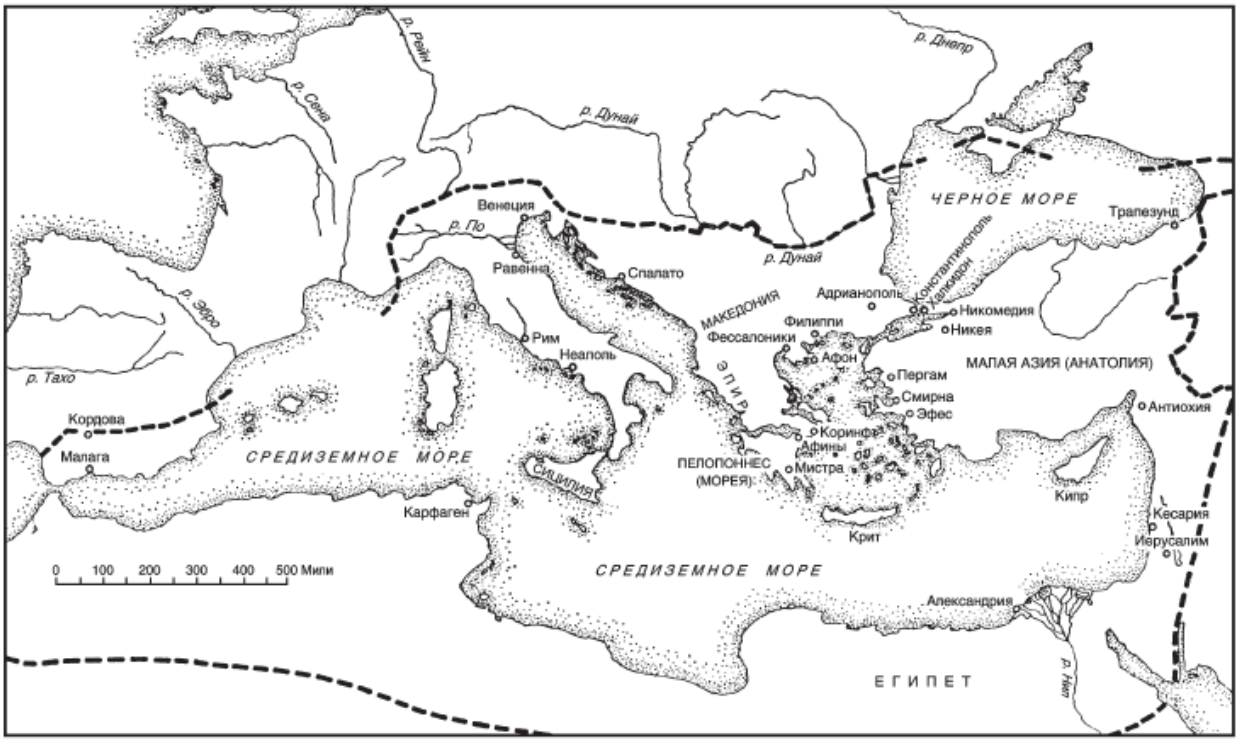

Рис. 1. Карта Византийской империи. VI в.

Великие перемены всегда случаются неожиданно. Так, по всей видимости, можно сказать о тех, кто стал свидетелем установления христианства в Римской империи. Это, вероятно, началось не раньше 323 года н. э. и не позднее 325 года, когда Константин I Великий созвал Первый церковный собор в Никее, и граждане Римской империи узнали, что христианство будет сосуществовать с язычеством в качестве государственной религии, поскольку их кесарю, Константину (306–337), было видение, убедившее его в том, что такое изменение необходимо. Считается, что это событие произошло одной октябрьской ночью 311 года, когда Константин расположился лагерем со своим войском под стенами Рима, намереваясь втянуть Максенция в сражение на следующий день. Он узрел – и некоторые источники утверждают, что его люди при том присутствовали, – знак в небе и услышал голос, велевший его воинам нарисовать сей знак на своих щитах перед битвой. Но Константин усомнился в том, что действительно видел то знамение. Однако вскоре, согласно Евсевию, ему явился Христос, повелевший изобразить этот символ на личном знамени Константина, с которым он поведет свое войско в бой. В этом видении Константин

узрел солнце, символ Аполлона, который был принят римскими кесарями и, таким образом, являвшийся по праву эмблемой Константина. Огромный штандарт с изображением солнечных лучей был щедро украшен золотом и имел поперечину наверху, к которой крепились две узкие пурпурные ленты, расшитые золотом и усыпанные драгоценными камнями. Увенчан он был золотым венком с золотым крестом и греческими буквами, монограммой Христа, а также, согласно некоторым источникам, словами «hoc vinces»[1]. Пурпурные ленты, как лучи солнца, указывали на принадлежность Константину, потому что пурпурные одеяния – самая дорогая и редкая из всех тканей, поскольку краску можно было добыть только из достаточно редкого моллюска мурекс – по распоряжению Диоклетиана использовались только правящим семейством.

Рис. 2.
Икона «Богоматерь Одигитрия»

В значении увиденного им не приходится сомневаться: оно ясно указывало на то, что Византия должна стать христианским

государством, в котором Константин будет править в качестве посланника Божьего. Константин без промедления повиновался знамению. Его войско нанесло поражение Максенцию, и Константин приказал, чтобы орлов, которые изображались на штандартах римских легионеров, заменили увиденным им знаком. Кроме того, он прекратил римскую практику использования креста в качестве орудия пытки. Впредь он должен был восприниматься как символ христианства. Евсевий утверждает, что видел знамя с новым рисунком, с которым Константин шел на бой с Максенцием. Однако несмотря на то, что Константин продолжал использовать его как свой labarum, то есть штандарт, он оставался язычником и поклонялся солнцу до последнего дня своей жизни. Только на смертном одре он принял крещение. Но Константинополь – город, который он сделал своей столицей, – был с самого начала посвящен Святой Троице и Богородице. Когда в V веке Евдокия послала императрице Пульхерии написанную святым Лукой икону «Богоматерь Одигитрия», то есть «Указующая путь», икона стала считаться защитницей столицы.

В реальности такие радикальные перемены, как отказ от одной веры в пользу другой, редко случаются в результате событий в личной жизни одного человека. Они имеют тенденцию возникать из меняющихся взглядов и отношения к жизни под влиянием людей мыслящих во времена бедствий и волнений. С начала христианской эры Рим переживал именно такие времена. В итоге, соседствуя, с одной стороны, с верой иудеев в единого Бога и с другой – с распространенными мистическими верованиями восточных народов, многие римляне начали сомневаться в обоснованности старой языческой религии, базирующейся на беспричинных поступках бессчетных богов, многие из которых страдали от самых худших человеческих фобий. Накапливающиеся экономические и политические трудности Рима способствовали усилению этих сомнений. Кроме того, из-за большого количества рабов, чей труд обогащал владельцев, не принося дохода государству, обширных территорий, протянувшихся от Нортумберленда в Британии через Галлию и Испанию до Северной Африки, а оттуда через всю Италию, Грецию, Турцию, Сирию и Египет, и большого разнообразия народов, живших на этих землях, Римской империей стало трудно управлять. Правящие классы были слишком заняты собой, чтобы эффективно выполнять свое дело. Руководители

государства погрязли в лени. Интеллигенция все чаще выступала с критикой правительства, а сам Рим разрывался от разногласий. Кесари сменяли кесарей, но все оставалось по-прежнему. Для остановки загнивания государства был придуман институт соправителей. Диоклетиан (284–305) решил, что ситуацию можно исправить, если сформировать региональные центры управления, которые займут место центральной власти, сосредоточенной в Риме. Для этого он перевез свой двор в Никомедию, находящуюся на территории азиатской части современной Турции, и утвердил себя правителем римских восточных земель, окружив себя роскошью и церемониями восточного, а точнее, персидского владыки. В то же время он назначил трех соправителей: Максимиана – в Милане для управления Италией и Африкой; Констанция – в Трире (современная Германия) для управления Галлией, Британией и Испанией: Галерия – в Фессалоники для управления Иллирией (нынешняя Далмация и Трансильвания), Македонией и Грецией. Однако эти меры не помогли ему улучшить сложившегося положения. Напротив, принцип совместного правления вызвал разделение народов, которые прежде гордились тем, что принадлежат к единой общности. Угнетение, коррупция и праздность продолжали царствовать в Риме. И когда разразилась гражданская война, Диоклетиан решил бежать от проблем и удалился на покой в свой величественный дворец, который построил для себя на берегу Адриатики в месте, известном сейчас как Сплит. Четырнадцать столетий спустя британский архитектор XVIII века Роберт Адам осмотрел руины этого дворца с изумлением и восхищением и привнес многие его особенности в архитектуру своего времени.

Констанций, правитель Галлии, Британии и Испании, был принужден Диоклетианом развестись с женой Еленой – дочерью, согласно преданию, английского короля Кола Колчестерского и матерью его сына и наследника Константина. Оставшись в одиночестве, Елена, видимо, стала общаться с интеллигенцией и занялась изучением религии и философии. Возможно, именно тогда она приняла христианство, хотя доказательств этому нет. После смерти Констанция Константин сменил его на посту правителя западных провинций. Очевидно, после развода у Елены остались близкие отношения с сыном, и, вероятно, она сыграла значительную роль в склонении Константина в сторону христианства. В 324 году, став

благодаря собственным усилиям единоличным правителем огромной Римской империи, Константин издал указ, который должен был защитить христиан от гонений. Год спустя он созвал церковный собор в Никее и узаконил деятельность христиан на территории империи. Этот шаг был не только мудрым, но и фактически неизбежным, потому что к тому времени две пятых населения империи, скорее всего, исповедовали христианство, видя в этой религии единственную надежду на облегчение бремени повседневной жизни. Для этих людей Елена стала воплощением христианского образа жизни. Она стала одним из первых паломников, отправившихся в Святую землю, и по просьбе Константина привезла оттуда частицу креста, на котором распяли Иисуса Христа. Эта частица стала самой почитаемой святыней Византии. Она хранилась в Большом дворце византийских императоров в Константинополе, но в 565 году Юстин II по просьбе святой Радегонды, брошенной мужем Хилпериком, даровал ей небольшую его часть. Она вставила ее в роскошную раку в церкви СенКруа (Святого Креста), которая до сих пор находится в Пуатье, но с тех пор от начального фрагмента стали отделять понемногу в качестве подарков. Несмотря на то что государственной религией христианство сделал только император Феодосий I в 381 году н. э., именно Елена и Константин были возведены в ранг святых православной церковью в благодарность за деятельность во благо христианства. Поэтому на иконах и других изображениях они часто стоят бок о бок, и Елена держит крест между собой и сыном.

В Риме христианство представляли и распространяли миссионеры, неофиты и отцы церкви, которые в борьбе за установление новой веры следовали указаниям своих руководителей. В итоге, когда церковь обосновалась в Риме, первые первосвященники были выбраны из числа этих руководителей. Однако в Константинополе все обстояло иначе. Там религию поддерживал Константин, главенствовавший как в политической, так и в духовной сфере, поскольку он был и правителем государства, и покровителем церкви, светским императором и наместником Бога на земле. Его последователи на троне продолжали считать себя посланцами Господа и в этом качестве оставляли за собой главенство и среди духовенства; одному императору из всех мирян дозволялось входить в самые священные пределы церкви, обычно закрытые для всех, не посвященных в сан. Когда великая княгиня

Ольга, в 957 году приехав из Киевской Руси в Константинополь с государственным визитом, решила принять крещение, торжественная церемония была проведена совместно императором Византии и патриархом Константинопольским, именно благодаря двойственной функции императора.

Хорошо осведомленные жители Рима, очевидно, не удивились, узнав о решении Константина узаконить христианство, так же как и о намерении перенести столицу из Рима в другой город. Однако они наверняка были поражены, когда в 324 году он перевел свою резиденцию и центральные власти в маленький городок Византий, располагавшийся на треугольном мысу у северной оконечности Мраморного моря, в точке, где от Азии до Европы рукой подать.

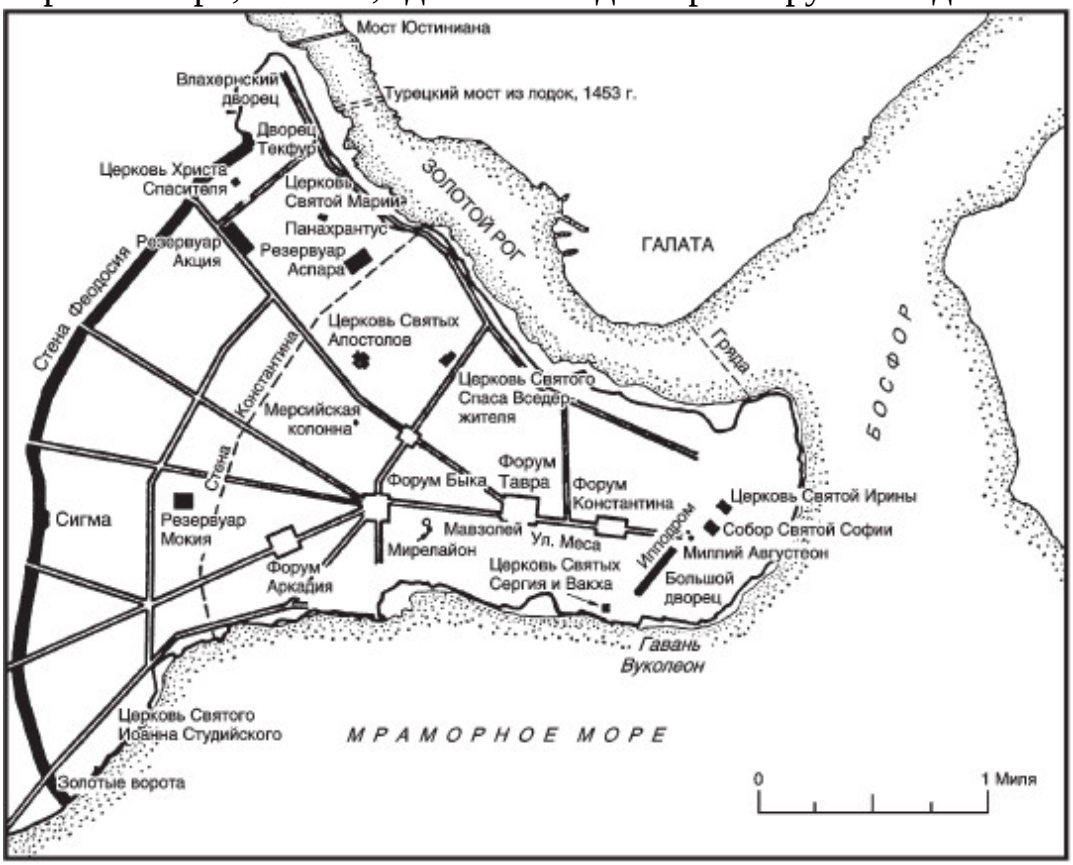

Рис. 3. План Константинополя во времена императора Феодосия

Помимо императора, мало кто в тот момент понимал, какими многочисленными географическими плюсами наделено это место и какую замечательную гавань можно сделать из залива, омывающего

северную сторону «треугольника». Византийцы нашли ему удачное название – Золотой Рог, и оно оправдало себя, когда купцы из разных стран стали приезжать сюда, быстро превратив его в богатейший порт мира. Византийцы могли поддерживать связь с западным миром посредством сети дорог, уходящих на континент, а уплывая на север по Босфору, добираться также и до многочисленных портов на берегах Черного моря. А далее через территорию современной России путь купцов лежал в Скандинавские страны, с одной стороны, и в Центральную Азию, Индию и Китай – с другой. Более того, повернув на юг, в Эгейское море, они выходили в Дарданеллы, откуда попадали в Средиземное море. То есть купцы, всего лишь преодолев небольшое Мраморное море, могли доехать до Малой Азии, а оттуда – до любой точки региона, ныне называемого Ближний и Средний Восток.

Те, кто не смог по достоинству оценить эти географические преимущества, были не первыми, не заметившими достоинств города. За несколько веков до этого Греция, будучи ведущей мировой державой, столкнулась с экономическими трудностями, и многие из ее городов-государств поощряли своих граждан уезжать в другие края, из которых на родину можно привезти пищу и прочие предметы первой необходимости. В результате многие греки основали на берегах Черного моря независимые самоуправляемые города, известные как колонии. В VII веке до н. э. группа переселенцев из Мегары выбрала себе предводителя по имени Виз. Перед отъездом из родного города они отправились к любимому оракулу, надеясь, что он посоветует, где основать колонию. В свойственной оракулам манере ответ прозвучал как загадка: «Идите и поселитесь напротив города слепых». Мегарийцы сели на суда и добрались до южного входа в Босфор, где на азиатском берегу Мраморного моря стоял греческий колониальный город Халкидон (рядом с современной Модой). С удовольствием окинув взглядом прекрасный пейзаж, представший перед ними, мегарийцы высадились на треугольнике земли, вдающемся в море на противоположном (то есть европейском) берегу. Переселенцы, заметившие его выгодное расположение так же быстро, как впоследствии Константин, решили, что жители Халкидона, которые могли выбирать место для города по своему усмотрению, и есть те самые «слепые», о которых говорил оракул. Они основали свое поселение на мысе. Впоследствии, несмотря на все преимущества,

город предстал перед Константином слишком маленьким для столицы. В 324 году он наметил новые границы для городских стен и повелел выстроить дворец, необходимые административные здания, форум и церковь, которую посвятил Софии, Святой (Божественной) Мудрости. Работы были завершены через шесть лет, и в 330 году н. э. Константин объявил город столицей.

Чтобы обеспечить выбранной им столице статус главного города империи не только номинально, но и фактически, Константин изменил всю структуру Римской империи и разработал новую систему управления, заменив привычного чиновника на человека нового типа. Он переименовал город в Константинополь, «город Константина», но его часто называли и «нова Рома», то есть «новый Рим», а имя Виза распространилось на всю восточную часть империи. Было достаточно причин называть Константинополь «новым Римом», поскольку фактически весь правящий класс, включавший в себя, как и ранее, двор и правительство, составляли римляне; хотя населяли город греки, латынь оставалась государственным языком до V века, когда империя разделилась на восточную и западную части. Примерно за одно столетие греческий язык заменил латынь в качестве официального языка, а восточная часть империи стала официально называться Византией. Но и по сей день в некоторых уголках Турции, Ирана и Аравии сохранилась старая связь с Римом, и словом «Рам» в значении «Рим» часто называют район Константинополя или людей, приехавших из Европы.

В отличие от римских кесарей, которые всеми правдами и неправдами пытались убедить народ относиться к ним как к простым людям, которые вознеслись на вершины власти по воле народа, Константин, став единоличным владыкой, занял позицию императора со всем его могуществом и высоким положением. Более того, будучи и правителем Римской империи, и наместником Бога на земле, он настаивал на своем превосходстве над другими правителями. Роль императора Константинопольского как высшего правителя на земле поддерживалась последователями Константина и оставалась неизменной, когда в 396 году после смерти императора Феодосия I было решено разделить Римскую империю на восточную и западную части. Восточной надлежало управлять из Константинополя, где императором стал Аркадий, а западная, управляемая из Рима, считалась

подчиненной ей. Однако за пять лет готы, в то время заполонившие Европу, приблизились к самым окраинам Рима. С самого начала ситуация в Равенне была полна трудностей. Различия все умножались. Правитель сменял правителя через краткие промежутки времени, пока, наконец, в 476 году германский вождь Одоакр свергнул Ромула Августула, последнего члена императорского дома, властвовавшего на Западе. После падения Запада корона Рима автоматически переходила правителю Востока, то есть императору Византии, правящему в Константинополе. В тот момент на троне находился Зенон. Константин сумел поднять престиж поста императора Востока на должную высоту, и авторитет Зенона был настолько велик на Западе, что Одоакр, несмотря на победы в Италии, счел, что ему будет достаточно, если Зенон официально признает его патрицием Рима и префектом Италии. Узы Рима и Востока оставались столь крепкими, что в V веке готский правитель Равенны Теодорих искренне принял византийскую культуру. Но вскоре после его смерти император Юстиниан Великий (527–565) счел своим долгом завоевать Италию еще раз. Его главнокомандующие, сначала Велизарий, затем Нарсес, сумели осуществить его план к 555 году, но итог был эфемерным, и в течение двух последующих столетий Восток и Запад окончательно распались. Папа потерял свое влияние в Византии, а император Востока – в Западной Европе. В 590 году Григорий, епископ Римский, стал папой. В историю он вошел как Великий, в значительной степени потому, что был первым папой после Льва Великого, заявившим о своем праве действовать независимо от Константинополя. Начиная с этого времени папы становились все влиятельнее на Западе за счет уменьшения власти патриарха Константинопольского. А в 800 году Карл Великий поставил под сомнение превосходство императора Византии, возродив пост императора Запада и заставив папу Льва III короновать себя в Рождество. Интересно заметить, что благодаря византийскому влиянию слово «папа» берет свое начало от греческого слова «паппас», то есть «отец», – так в греческой церкви называли первых епископов, а позднее всех священнослужителей.

Хотя за жизнь Константина в Константинополе было воздвигнуто немало зданий, город оставался относительно небольшим и не мог соперничать как по размеру, так и по красоте с такими древними и величественными городами, как Александрия или Антиохия; тем более

не мог он сравниться с Римом или даже Афинами. Однако через сто лет после его основания население Константинополя превышало население Рима. Но прошло еще около двухсот лет, прежде чем гений императора Юстиниана и его главного архитектора Антемия из Тралл позволили столице затмить все прочие города красотой, богатством, важностью и разнообразием достопримечательностей. Город стал не только крупным политическим и экономическим центром своего времени, но в первые несколько веков своего существования и важным религиозным центром, к которому обращал свои взоры весь христианский мир, подобно тому как в наши дни католики смотрят в сторону Рима. Более того, Константинополь, как с конца XIX века Париж, стал столицей, где собирались самые достойные произведения искусства. Именно оттуда распространялась мировая мода. Там роскошь изобиловала во всех проявлениях больше, чем где-либо еще в Европе. Во времена Юстиниана население города, вероятно, составляло около полумиллиона человек.

Изначально Константинополь населяли греки, потомки тех, кто приехал из Мегары и основал город. Большинство людей, прибывших вместе с Константином, были римлянами, носившими римские тоги и говорившими на латыни. Тем не менее, когда римляне смешались с местными греками, когда их язык был забыт всеми, кроме особенно рьяных ученых, а их одежда превратилась в нечто полностью национальное, римские тоги остались в искусстве навсегда. Независимо от времени, в котором были созданы, и на прекрасных миниатюрах в византийских списках Евангелия и других священных книг, и на религиозных росписях и мозаиках евангелисты и святые одеты в объемные драпирующие облачения, происходящие от одеяния классических времен.

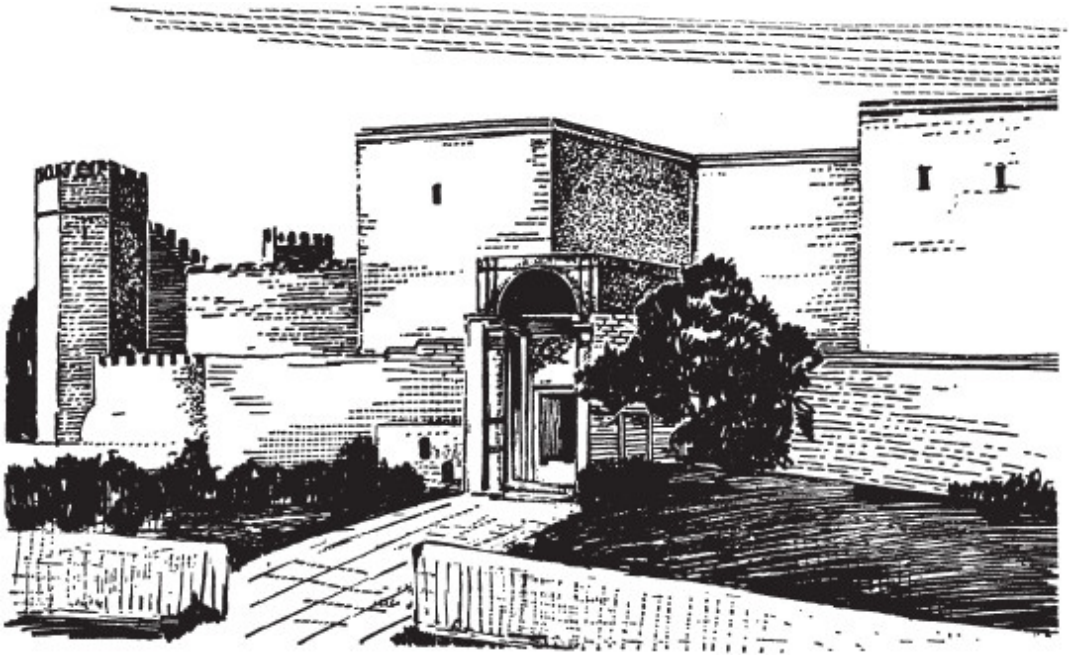

Рис. 4. Золотые ворота и часть земляного вала Константинополя

Как правило, оно состояло из гиматиона или плаща, надеваемого поверх хитона или рубахи. Редко эти облачения сохраняли изначальный белый цвет. Поскольку этим людям было суждено вечно вкушать блаженство в раю, их одежды были окрашены во все цвета радуги. Зачастую они украшались золотом, как индийские сари. На белых одеждах складки выписывались с помощью многочисленных оттенков.

Римская империя была многонациональным государством, и все ее вольные люди, независимо от национальной и религиозной принадлежности, пользовались равными правами. Поэтому именно в Константинополе с самого начала греки и римляне объединились и создали новую христианскую культуру и новый образ жизни Восточной Римской империи. Пристрастие римлян к порядку, по всей видимости, способствовало формированию основной структуры государства. Мысли и вкусы греков, часто испытывавшие влияние культур более восточных регионов, например Сирии, заняли главенствующую позицию по мере того, как жители Востока стекались в Константинополь, прельщаемые растущим благосостоянием города. Их (греков и азиатов) в христианстве особенно привлекала его мистическая сторона. Они нередко участвовали в религиозных мистериях и диспутах. В основном под их влиянием византийцев охватило

увлечение символизмом, что на протяжении всей их длинной истории выражалось не только в религиозных произведениях, но также и в искусстве и литературе. Опять же в большой степени благодаря грекам интерес римлян к их стране был разожжен византийцами до размеров неувядаемой любви к классической греческой культуре. Византийцы разбирались в греческих мифах так же свободно, как греки-язычники прежних времен. В результате они использовали их как притчи и применяли к событиям современности при описании в литературе, сравнивая некоторую мысль или явление с каким-нибудь известным текстом или случаем или изображая их посредством какой-нибудь подходящей мифологической сцены. Однако эти греческие и азиатские нити были вплетены в довольно плотный холст, который соткали усердные, методичные и рациональные римляне. Каждое ответвление византийской власти, церковь, общественные организации и службы тщательно регламентировались и разграничивались. Византия стала авторитарным, но не диктаторским государством, поскольку ее граждане были до известного предела свободны. Вероятно, нам сегодня проще, чем какому-либо другому поколению, увидеть тонкую грань между диктатурой и высокодисциплинированным обществом. При всей нашей любви к независимости и свободе мы по собственной воле подчиняемся огромному числу ограничений. Например, возьмем самое банальное, однако крайне необходимое правило, связанное с парковкой машин и запретом превышения скорости. Чтобы наше весьма сложное общество могло нормально существовать, мы вынуждены мириться с ним, как и со многими другими. Во время чрезвычайного положения в стране большинство из нас так же с готовностью отказывается от привычного образа жизни, чтобы выполнять предписания правительства. Приблизительно похожие мотивы двигали византийцами, уставшими от многолетней нестабильности и ненадежности, которые сопровождали упадок Греции и Рима, когда они соглашались с принципами, на которых строилась их конституция, и с правами и обязанностями, закрепленными за каждым классом общества. Однако при всей жесткости конструкции люди обладали определенной свободой мысли и действий. В интеллектуальной сфере жизни Византия старательно восполняла пробелы прошлых веков. Если граждане были недовольны эдиктом или императором, они без колебаний заявляли об этом. Часто они прибегали к методам, которые

не потерпел бы никакой диктатор наших дней. Бунты и восстания были привычными событиями в Константинополе во все периоды его истории, и многие императоры, несмотря на их божественные права и безграничную власть, безжалостно свергались, нередко подвергались пыткам, а иногда приговаривались к смерти возмущенными гражданами.

На протяжении большей части своей истории византийцы воевали. Хотя по характеру они были далеко не воинственны, положение жителей империи обязывало их защищать обширные территории, унаследованные от Рима, и держаться за удаленные приграничные поселения в условиях усиливающейся освободительной борьбы. В 572 году византийцы потеряли Испанию. Это было первым из ряда крупных поражений. Вскоре последовала потеря Италии. Иерусалим, святая святых, колыбель христианства, перешел к иноверцам-персам в 613 году, а в 626-м они двинулись на Константинополь. Но Богородица, по твердому убеждению византийцев, пришла на выручку своим истовым верующим и помогла им отразить натиск неприятеля. Далее наступил подъем ислама, и к 640 году вся Сирия, Палестина и Египет попали в руки арабов. Сам Константинополь тоже подвергся их атакам.

Рис. 5. Крест. IX в.

Но убедительная победа над арабами в 678 году, одержанная в значительной степени благодаря использованию «греческого огня», спасла не только столицу империи, но и большую часть Малой Азии. Это было временное достижение, поскольку с конца VII века византийцам пришлось сосредоточиться на усмирении захватнических амбиций соседей-славян. Сначала им пришлось признать независимость Болгарского государства, затем Руси и Сербии. Начиная с XI века Византия испытывала постоянную угрозу со стороны турок-сельджуков. Также подрывали ее могущество и Крестовые походы на западе, отнимая у нее столько сил, что в конце концов империя не смогла противостоять нашествию турок-османов. В 1453 году, когда Византия едва простиралась за пределы Константинополя, турки нанесли последний удар. Под прикрытием пушечного огня они разрушили стены города. Последний оплот Византии пал, когда большая часть населения погибла вместе с императором на укреплениях, которые они защищали, проявляя величайший героизм. По традиции турков покоренный город передавался на три дня солдатам-победителям для разграбления и разрушения. Многие греки из тех, кто пережил осаду, были убиты в это время. Некоторые спасшиеся потом согласились пойти на службу в турецкое казначейство или были назначены на посты правителей завоеванных провинций, например Армении. Эти люди снискали презрение прочих константинопольских христиан и получили от соотечественников прозвище «фанариоты». Турки заставили непокорных заплатить высокую цену за свое презрение, подвергнув самых активных из них гонениям и преследованию.

Византией правили по очереди семь династий. Первая вела свой род от римских кесарей, и в ней столь сильно чувствовались римские корни и традиции, что многие ученые рассматривали эту начальную фазу византийской истории скорее как раннехристианскую, чем как чисто византийскую. По их мнению, Византия стала собой только при Юстиниане Великом. В искусстве Юстиниан создал «золотой век». Стандарты и идеалы, установленные им, просуществовали до времен правления Льва III (717–741). Этот император полагал, что благоговение, с которым граждане относятся к иконам, граничит с

идолопоклонством. Чтобы спасти их от этого греха, одного из самых страшных, Лев решил ввести запрет на любые формы изображения в религиозном искусстве. В 730 году он выпустил указ, предписывающий убрать знаменитую икону Богородицы с медного рынка, но, несмотря на то что его поддержали многие влиятельные люди, указ получил такое яростное и жаркое сопротивление, что его исполнение затянулось на четыре года. К тому времени иконоборцы (как назвали противников изображения образов в религиозном искусстве) обрели такую мощь, что смогли способствовать претворению в жизнь решения Льва III. Вопреки набирающей силу оппозиции, они оставались у власти (с коротким перерывом в четыре года) до своего окончательного поражения в 843 году.

Новая династия – Македонская – взошла на трон в 867 году. Она способствовала расцвету второго «золотого века» в искусстве и дала стране таких непохожих правителей, как Лев VI, которого называли Мудрым, и беспощадная любительница удовольствий Зоя, убившая своего мужа Романа III, чтобы выйти замуж за Михаила Пафлагонца и короновать его императором, которого в 1042 году заменила третьим, и последним своим мужем, Константином IX Мономахом. Эта династия прервалась на сестре Зои, которая правила всего один год после смерти ее зятя, Константина IX.

«Дворцовая революция», совершенная в 1057 годупридворными, возвела на трон Исаака, первого представителя династии Комнинов. Его наследникам пришлось сражаться и с сельджуками на востоке, и с норманнами на западе; кроме того, начались Крестовые походы. Опьяненные богатством и красотой Константинополя участники Четвертого крестового похода под предводительством командиров-венецианцев забыли о том, что отправились бороться с правящими в Иерусалиме иноверцами, чтобы освободить священный город, и нацелились на Константинополь. Они завоевали город в 1204 году. Разграбив его, крестоносцы провозгласили себя правителями Латинской империи. Оккупация латинян продлилась до 1261 года. В это время члены византийского императорского семейства основали временные царства на окраинах империи. Феодор Ласкарис обосновался в Никее и объявил себя правителем Византии. Одна из ветвей династии Комнинов создала себе царство в Трапезунде, в юго-восточном углу Черного моря. Прочие образовали независимые

деспотаты в Греции, в большинстве своем в Морее, Мистре и Эпире, где династия Ангелов утратила власть. Именно представитель этой династии, Феодор Ангел Дука Комнин, сумел отвоевать Фессалоники у латинян в 1224 году и впоследствии предъявил претензии на императорский престол. Однако основоположником последней греческой династии, правящей в Константинополе, стал Михаил VIII Палеолог, представитель знатного рода Комнинов. Коронованный соправителем Иоанна IV Ласкариса в Никее в 1259 году, он вернулся в Византию в качестве императора в 1261 году после изгнания латинских захватчиков. Его потомку, Константину XI, коронованному в собственном деспотате Мистра в Спарте в 1449 году, суждено было погибнуть, защищая свою столицу в неравной битве с превосходящими числом турками-османами, которые в 1453 году нанесли последний удар. Обезглавленное тело императора, сражавшегося плечом к плечу с простыми воинами за родной город, было опознано лишь по пурпурным сапожкам, расшитым золотыми орлами.

Глава 2
Император, его семья и двор

Став единоличным правителем Римской империи, Константин оставался язычником. Хотя Рим превратился в монархию, будничная жизнь продолжала подчиняться традициям, установленным в годы республики. Поэтому получение Константином верховной власти не было подтверждено ритуалом коронации по сценарию, который станет привычным в феодальные времена в Европе. Вместо этого оно было утверждено церемонией, относящейся к тому периоду, когда римские кесари избирались на высочайший пост империи своими согражданами. В соответствии с древним обычаем Константина поставили на щит и подняли на нем перед его армией и собравшимся народом. Их одобрительных возгласов было достаточно, чтобы утвердить его на новом посту. Этот способ информировать страну о восхождении на трон империи нового монарха просуществовал в Византии почти сто лет, и первые правители, последовавшие за Константином, были представлены собравшемуся сенату, армии и народу Константинополя таким же образом, как римские кесари. Как и кесари, они получали из рук видного представителя власти венец, который служил символом императорской власти. Тем не менее к 475 году, когда на трон взошел Лев I, патриарх Константинопольский обрел такую значимость в государстве, что его влияние почти сравнялось с влиянием императора, и поэтому именно ему, а не мирянину, пусть даже и высокопоставленному, выпала честь возложить корону на голову Льва. Непосредственные преемники Льва решили, что их всегда будет короновать патриарх, из-за чего со времен Юстиниана церемония всегда проводилась в главной церкви столицы, величественном соборе Святой Софии. Первое здание, начатое Константином I, было разрушено во время восстания «Ника» в 532 году, но впоследствии перестроено Юстинианом с еще большей пышностью.

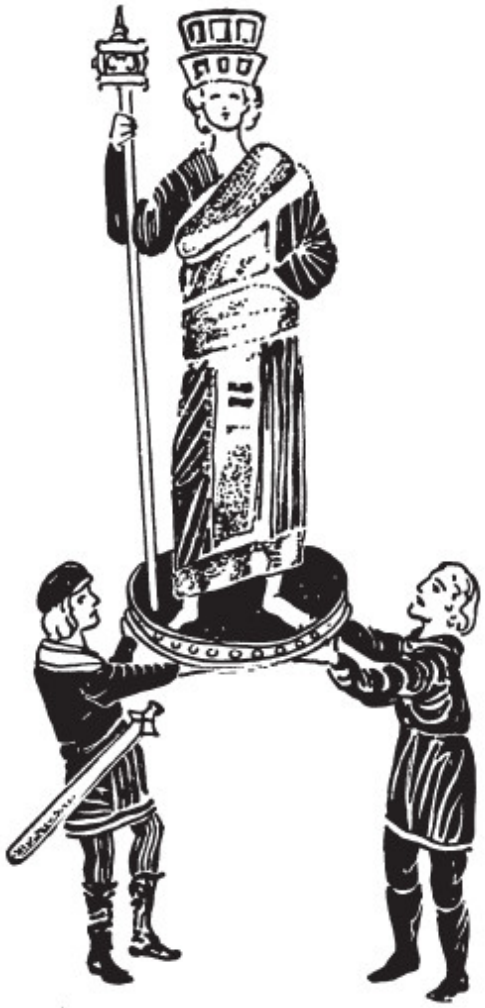

Рис. 6. Император, поднятый на щите

С течением лет коронации в Византии становились все роскошнее и величественнее. К X веку ритуал стал таким сложным, что император Константин VII Багрянородный (913–959) решил, что его сыну и наследнику будет проще, если он занесет все тонкости в книгу, которую начал писать. Называлась она «Книга церемоний». Описание коронации занимало несколько страниц, поскольку император полностью оговорил роль всех вельмож, сенаторов и членов фракций, их точное местоположение в процессии, одеяния, в которых им должно быть, и знаки своих должностей, которые они несут. Так, например, патрициям следовало являться в белых хламидах или плащах, обшитых золотом.

При входе в собор монарха встречал патриарх и помогал ему сменить одежду на ту, которую, по преданию, Константин Великий получил от ангелов; по этой причине ее заботливо хранили в соборе. Император использовал ее только для некоторых особенных случаев. Достигнув серебряных врат, он зажигал свечи, предназначенные только для него, и переходил к порфирной плите, вмонтированной в пол напротив царских врат иконостаса (стенка перед алтарем, сооруженная для размещения икон), для молитвы.

Рис. 7. Императрица во главе процессии во славу священной реликвии

Только после этого император вместе с патриархом мог проникнуть за иконостас, чтобы вступить в алтарь. Такому порядку действий следовали всякий раз, когда император посещал религиозную церемонию в соборе. Считается, что его присутствие там требовалось около 30 раз в месяц. Патриарх всегда проводил следующую затем службу, а в случае коронации читал молитву над короной перед тем, как возложить ее на голову императора под шумное одобрение собравшихся верующих. Далее император переходил к трону, зачастую сделанному из золота, который находился в митаторионе. Когда он садился, все присутствующие в строго определенной последовательности клялись ему в верности, падая перед ним ниц.

К IX веку обычай короновать императора во время религиозной церемонии утвердился так прочно, что с тех пор соблюдался всеми

прочими христианскими монархами. Однако в Византии также было необходимо, чтобы перед коронованием император подписал обет верности. С самого начала коронация императора патриархом считалась по всей Византии делом существенной важности, понимаемым как зрительное подтверждение веры в то, что Бог избрал императора своим посланником на земле. Таким образом, вскоре к императорам стали относиться как к почти святым людям. В искусстве их иногда изображали с нимбом. В дискуссиях и литературе их часто сравнивали с апостолами. Правителя даже временами называли «тринадцатым апостолом», а его резиденции – «священными дворцами». Полубожественная природа императора отражалась в том, как он использовал свою невероятно большую власть на троне. На деле у него было два трона, что помогало адаптировать языческий обычай «частично пустого трона» к христианским обрядам и вплести его в жизнь. Поэтому правая сторона такого трона предназначалась Христу. Чтобы подкрепить это визуально, на нее клали Евангелие. По воскресеньям и во время религиозных празднеств, когда левую сторону занимал император, ее оставляли пустой. В будни же император выступал в качестве посланника Бога на земле и садился на правую сторону; так же он поступал во время официальных мероприятий и аудиенций, даваемых послам.

Когда император появлялся на улицах города, толпа приветствовала его как посланника Бога. По ходу его движения хоры, собранные из городских политических гильдий и фракций, пели гимны в его честь. Перед императором несли свечи, факелы и кадила с фимиамом, как перед святыми иконами и прелатами во время религиозных процессий. Даже неумелые и плохие правители, которых в Византии было предостаточно, считались возведенными на трон самим Господом, который избрал их на столь высокий пост во испытание верующим.

Римское понятие избираемого правителя, выступающего в роли главы государства или императора, настолько упрочилось в умах римлян, что в Византии титул императора сначала не воспринимался как передаваемый по наследству. Когда позволяли время и обстоятельства, считалось правильным, чтобы умирающий или престарелый император выбирал себе преемника. В случае внезапной смерти императора ближайшим членам его семьи давалось право

избрать нового правителя, но если у усопшего не было близких родственников или, как это часто случалось, его свергали в ходе революции, преемника назначал сенат. Юстиниан (возможно, величайший из византийских императоров) взошел на трон именно так. Происхождению не придавалось особого значения. Принадлежность к классу была настолько не важна, что тот факт, что император Юстин I (518–527) родился в семье македонского крестьянина, не помешал ему занимать трон в течение девяти лет.

В первое время в Византии была большая путаница с точным титулом императора. Там он пользовался римским вариантом, называя себя «императором», «кесарем» или «августом». Тем не менее к концу V века нарастающие зависть и ревность начали портить отношения между греками и латинянами Константинополя, и вскоре каждая сторона стала требовать, чтобы именно их национальная культура была выбрана в качестве государственной культуры Византии. Когда в 491 году император Зенон умер, не назвав преемника и тем самым переложив выбор на свою вдову, под ее окнами собралась огромная толпа. Одни кричали, чтобы она выбрала на этот пост грека, другие – римлянина. Ее решение соответствовало желанию первых. Она назначила императором посредственного, но опытного и надежного пожилого придворного по имени Анастасий (491–518). Однако только при императоре Ираклии (610–641), который принял греческий в качестве государственного языка Византийской империи, греческий титул «базилевс» заменил латинские и остался единственным официальным названием императора. Приблизительно в то же время символ Юпитера – орел – был сделан гербом императоров. В XIV веке он стал двуглавым. Это изменение произошло после того, как император Германии решил использовать одноглавого орла на своем гербе. Тогда в Византии начали распространять идею, что двуглавый орел правителей Византии символизирует восточные и западные территории Римской империи. В таком виде этот герб перешел через браки к монархическим династиям Австрии и России.

Рис. 8. Двуглавый орел Византии

К VII веку вошло в традицию, чтобы император выбирал своим преемником одного из сыновей, не обязательно старшего. Сначала назначение происходило, когда наследники становились самостоятельными или когда император чувствовал приближение смерти. Но вскоре императоры поняли, что лучше заблаговременно позаботиться о сохранении династии на случай скоропостижной смерти, определив наследника в начале собственного правления. По тем же причинам стали выбирать на пост двух сыновей, указывая, у кого из них будет преимущество. Такое назначение узаконивалось религиозной церемонией, проводимой почти по той же схеме, что и коронация. (Было всего два небольших отличия: коронация происходила в одной из дворцовых церквей, а не в соборе Святой Софии, и патриарх, благословив короны, передавал их императору, который, как и в случае коронации его жены, сам возлагал их на голову соправителей.) Старшего и пользующегося преимуществом соправителя постепенно начинают называть «маленьким базилевсом», и его портрет часто встречается рядом с портретом отца на монетах.

Как старший соправитель он тут же назначает себе собственного соправителя и преемника. В результате иногда появлялось множество здравствующих правителей, а чаще членов императорской семьи, которых называли римским титулом «кесарь», чтобы отличить от императора и его прямых наследников. Если соправителем была женщина, ей присваивался титул «августа». Любовнице Константина IX разрешалось пользоваться этим титулом, но запрещалось носить императорский венец и сопровождаться императорской гвардией. Чтобы компенсировать это, она, как и многие другие августы, носила многочисленные необычные и дорогие украшения для головы, золотые ожерелья, браслеты в форме змеи, тяжелые жемчужные серьги и золотые пояса с протянутыми через них нитками жемчуга. Каждый член императорского семейства, получивший титул второстепенного монарха, имел соответствующее звание, пожалованное ему во время церемонии, являющейся измененной версией императорской коронации. Однако никогда у власти не было более одного правителя с максимум двумя соправителями. Император неизменно оставался высшей властью во всей империи. Его долгом было наблюдать за происходящим в государстве и отвечать за все. Уже упоминалось, что жизненная концепция византийцев зиждилась на вере в одну религию, одного Бога, один источник закона и одно правительство, то есть в одного императора. Положение единоличного императора было поставлено под сомнение Карлом Великим, который заставил папу короновать себя императором римлян в Риме в Рождество 800 года. После этого византийский правитель принял титул Basileus Romanum, что означало «император римлян», чтобы утвердить свое право управлять Римом. Сделав так, он, в свою очередь, оспорил претензии Карла на этот пост.

Как только появлялась возможность, императоры выбирали одного из своих сыновей в качестве преемника, и таким образом пост монарха постепенно начал восприниматься как передающийся по наследству. И поскольку император не был обязан назначать преемником старшего сына, особое значение придавалось детям, родившимся во время его правления. Они появлялись на свет в Пурпурной спальне Пурпурного дворца. Эта резиденция получила такое название потому, что стены императорской спальни были обиты тканью, в основном шелком, цвета порфира. Очень немногим старшим придворным дозволялось носить

пурпурные одежды; вообще ткань этого цвета предназначалась для членов императорской семьи и использовалась только для особых случаев. Лишь они могли носить пурпурные тоги и туфли, лишь их хоронили в порфировых саркофагах. Дети, рожденные в Пурпурной спальне Пурпурного дворца, автоматически получали имя «Порфирогенет», означающее «рожденный в пурпуре» – выражение, сохранившееся до наших дней в английском языке[2]; если на свет появлялся мальчик, это счастливое событие увеличивало его шансы унаследовать корону. Таких принцев окружали всеми мыслимыми богатствами. В конце концов стало традицией, чтобы старший из этих сыновей сменял отца на троне, что неизбежно вызывало столкновения между ним и его братьями, некоторые из которых были старше его. Все усугублялось еще и тем, что сыновья императора зачастую были братьями только наполовину, поскольку их отцы вступали в брак несколько раз. Многие претенденты на престол заканчивали свои дни в тюрьме, в одиночном заточении, перед этим пройдя через пытки, включая ослепление, усекновение языка или носа, а то и еще более страшные муки. Низложенный принц, которому позволялось навсегда уйти в удаленный монастырь, стать монахом и провести остаток жизни в молитве, считался счастливчиком.

Императорские свадьбы проводились по чрезвычайно торжественному, сложному и величественному ритуалу. По такому случаю все надевали лучшие свои одежды и парадные мантии. Жених и невеста появлялись в свадебных венцах, которые до сих пор используются в православной церкви при венчании. Но если сегодня над головой жениха и невесты держат венцы, то во время религиозной церемонии в Византии над головой императорской четы подвешивалась драгоценная пурпурная ткань. Проводил церемонию патриарх. По окончании все присутствующие, патриции и важные политики, преклонялись перед молодоженами. Далее они строились в процессию и сопровождали своих монархов в императорский дворец, где хоры Голубой и Зеленой фракций приветствовали их пением под аккомпанемент органа, принадлежащего Зеленой фракции. Молодожены, не снимая венцов, переходили в свою спальню, где принимали гостей, в их присутствии снимали венцы и клали их на кровать. Потом все шли в обеденную «палату девятнадцати диванов», где переодевшиеся в повседневные одежды император, императрица и

их гости приступали к праздничному завтраку. На таких мероприятиях женщинам разрешалось присутствовать, но запрещалось укладывать волосы в прическу, называемую «прополома». Обычно императрицы, имевшие большое количество придворных и слуг и в большинстве своем обладавшие крупными состояниями, развлекали знатных женщин Византии роскошными банкетами, проводимыми в императорских покоях.

Женщины в Византии не были так же свободны, как в Риме, где их считали практически равными мужчинам. Византийские императрицы, хотя и принимали участие в общественной жизни, большую часть времени должны были проводить в своих покоях. Как и женщины более низкого положения, большинство из них, очевидно, занимали свой досуг если не ткачеством, как простолюдинки, то уж точно вышивкой, которая потом украшала их любимые церкви. Время от времени императрицы и другие женщины оказывали немалое влияние на ход событий и командовали в кругу семьи. Многие императрицы становились влиятельными автократами, а иногда даже управляли страной по собственному усмотрению. В некоторые периоды византийской истории, особенно на начальном этапе (когда члены древней римской аристократии и греческая знать устанавливали стандарты и соглашения, которые должны были определить судьбу Византии), императриц выбирали, невзирая на их происхождение и титул, из самых красивых девушек империи.

Рис. 9. Император Юстиниан, епископ Максимиан, императрица Феодора. Равеннская мозаика

В отличие от получаемых постов происхождение в Византии значило на удивление мало. Мы уже видели, что Анастасий поднялся к вершинам власти, будучи придворным, а Юстин – македонским крестьянином. В свете этого совсем не удивительно, что Юстиниан I влюбился в красавицу циркачку по имени Феодора и без затруднений женился на ней. Ее можно видеть рядом с ним во всем великолепии облачения византийской императрицы на впечатляющей настенной мозаике того времени в церкви Сан-Витале в Равенне. Высокий пост может выявлять в человеке как хорошее, так и плохое. С Феодорой так и произошло.

Несмотря на свое происхождение и довольно вольное поведение до замужества, взойдя на трон, Феодора быстро уяснила обязанности императрицы. Вскоре после свадьбы начался один из тех бунтов, которые часто омрачали историю Константинополя. Он быстро перерос в необычайно жестокое политическое восстание. Императорский дворец был подожжен, собор Святой Софии, построенный Константином I, погиб в огне. Юстиниан подумывал о бегстве. Именно

в тот момент Феодора явила миру свое величие. Извинившись за то, что осмелилась «говорить, будучи женщиной среди мужчин», она объяснила, как глупо было бы скрыться, взывала к мужеству своих слушателей, напоминала, что «все люди приходят в этот мир, чтобы умереть, но для того, кто правил, – обращалась она к Юстиниану, – изгнанником быть невыносимо. Да не доживу я до того дня, когда на моих плечах не будет этой пурпурной мантии и люди не назовут меня царицей. Если ты желаешь, о император, спастись, это несложно. У нас достаточно средств. Там – море, а на нем корабли. Но подумай, прежде чем достигнешь ты безопасного места, предпочтешь ли безопасность смерти. Я соглашаюсь с древним изречением: пурпур – лучший саван». Ее слова воодушевили Юстиниана, и его полководец Велизарий сделал еще одну попытку, на этот раз удачную, разогнать толпу. Восстание было подавлено, и трон Юстиниана спасен.

Не будет преувеличением сказать, что именно Феодора сохранила трон Юстиниана и помогла ему войти в историю, возможно, величайшим императором Византии. Восстанавливая сожженный собор Святой Софии, Юстиниан создал шедевр, стоящий в одном ряду с самыми красивыми зданиями мира. Также он ввел стандартные судебные процедуры, которые дошли до нас под названием Кодекс Юстиниана. Тем не менее, будучи женщиной, Феодора никогда не была «консортом», то есть соправителем Юстиниана. Но спустя годы, в 641 году, ощутив приближение смерти, Ираклий назначил жену Мартину соправительницей своего сына, который ей приходился пасынком. Народ, узнав о его намерениях, выразил крайнее несогласие быть управляемым Мартиной, обосновав это тем, что женщине не подобает давать аудиенции послам. Мартина попыталась противостоять им и с помощью сына решила захватить власть, но пасынок сумел опередить ее. Взойдя на престол, он наказал ее за такие стремления с особой жестокостью, отрезав язык и отправив в изгнание на остров Родос. Однако к 780 году женщинам стало несколько проще. Лев V умер, оставив наследником десятилетнего сына, будущего Константина VI (780–797), и назначив его мать, императрицу Ирину, соправительницей. Невзирая на сильную оппозицию и почти непрекращающиеся волнения, Ирина смогла продержаться на троне десять лет, но потом ее заставили передать власть сыну и удалиться в изгнание. Константину очень не повезло, поскольку он был не только глуп, но и

недальновиден, поэтому через семь лет Ирину вызвали в столицу и попросили снова взять власть в свои руки. Таким образом, она стала первой женщиной, правившей Византийской империей единолично. Хотя она автоматически стала главой всех ведомств, включая военное, в государственных и официальных документах к ней неизменно обращались в мужском роде, называя ее «базилевсом», а не «базилиссой». Но, достигнув таких высот, Ирина, к сожалению, запятнала свое доброе имя, дурно поступив со своим низложенным сыном. Она, его мать, приказала ослепить Константина в Пурпурной спальне, где родила его. В середине XI столетия две сестры из императорской семьи, Зоя и Феодора, правили совместно несколько месяцев. Затем Феодора, более влиятельная из них, еще год правила единолично.

Но даже несмотря на все это, императрицы нечасто появлялись на людях, не говоря уже о женщинах более низкого положения. Тем не менее императрицы присутствовали на официальных церемониях, проводимых во дворце, но редко принимали участие в государственных шествиях и народных празднествах. В 481 году Ариадна в своей мантии появилась в императорской ложе на ипподроме Константинополя, чтобы приветствовать народ, но до XI века жены не сопровождали мужей на ипподроме, где проходили игры. Однако, как и все женщины, императрица регулярно посещала церковь, где следила за службой с галереи, хотя ей там и предоставлялась специальная императорская скамья. В соборе Святой Софии она занимала все западное крыло галереи. Обычно после службы император и императрица проходили в отдельные залы собора, где им подавали легкие закуски. Когда императрица и ее придворные дамы уезжали обратно во дворец, патриарх вел императора к Священному колодцу – сооружению, находившемуся недалеко от собора, где, по преданию, Христос встретил самаритянку[3]. Там император одаривал золотыми предметами младших священнослужителей и певчих, участвовавших в службе, а потом возвращал патриарху золотой мешок, который использовал при этом. Затем он надевал корону, в которой шел из дворца в собор в сопровождении процессии и которую снимал у Священного колодца.

Как правило, дочери в Византии не имели особенной значимости. Настолько, что Роман II (959–963) без колебаний отправил пять своих

дочерей в монастырь, чтобы угодить своей новой жене, прекрасной Феофано. Однако наследницы, рожденные в Пурпурной спальне, хотя и жили в меньшей роскоши, чем их братья, все же ценились отцом, скорее всего, потому, что могли принести пользу, выйдя замуж за второстепенных правителей, которых император хотел переманить на свою сторону. В X веке одну даже выдали за хана Монголии.

Император и его семейство проводило большую часть досуга в своих дворцах. Женщины редко покидали их, в том числе и сама императрица. В немыслимой роскоши, замкнутости и обособленности императорская семья вела закрытую жизнь, собираясь без посторонних, чтобы поесть или развлечься. Византийские резиденции монархов не представляли собой, как на Западе, большой жилой блок, расположенный в живописных угодьях и окруженный конюшнями и хозяйственными пристройками, а строились на восточный манер в форме обнесенного стеной здания, состоящего из большого числа отдельных строений, разбросанных в парках и садах. Император Феофил (829–842) был таким страстным поклонником арабской культуры, что перепланировал большую часть западного крыла Большого дворца в восточном стиле. Поэтому часть его стали называть «Персидским домом».

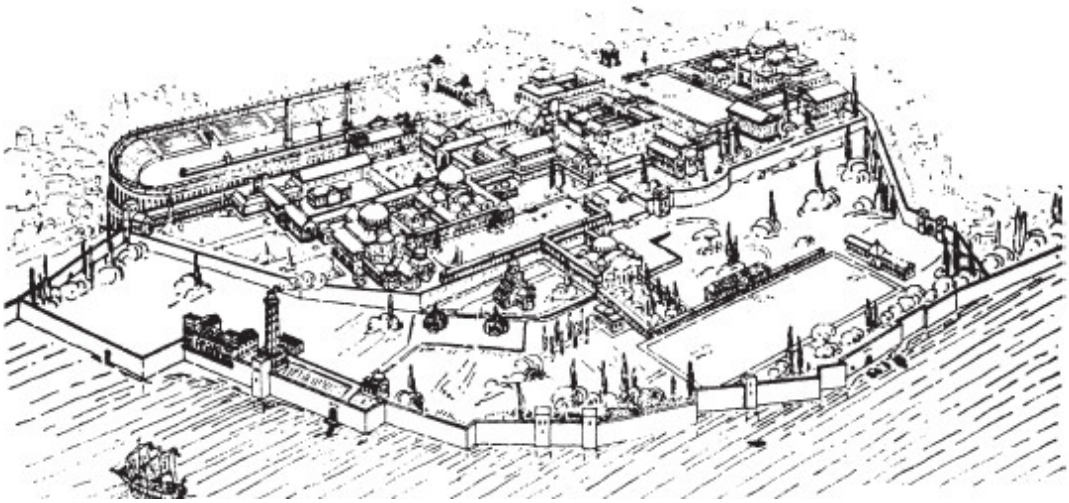

Рис. 10. Воссоздание района Большого дворца, сделанное Вогтом

До XII века Большой (или Священный) дворец в Константинополе служил не только домом для правящего семейства, но и центром государственного правительства для проведения церемоний,

гражданских и религиозных. У каждого чиновника, гражданского или военного, было свое место при дворе, в соответствии с его положением в правительстве или званием. Дворец занимал обширное пространство, простираясь вдоль берега моря от ипподрома до собора Святой Софии и заключая в себя всю территорию, которую впоследствии займет дворец султанов Оттоманской Турции, сарай. Его земли спускались к береговым стенам, и оттуда открывался вид на Мраморное море, Золотой Рог и дальше на восток, на Босфор и азиатский берег. В пределах его стен располагалось множество зданий. Стивен Рансимен сравнил этот величественный комплекс с испанским Эскориалом[4], поскольку в обоих случаях помимо жилых помещений и имущества императора здесь находились некоторые из самых чтимых церковных реликвий и государственные сокровища.

Помимо семи дворцов, константинопольский комплекс включал официальную резиденцию императора, называвшуюся «Октагон», то есть «восьмиугольник». Официальная резиденция императрицы, Пантеон, находилась рядом с церковью Святого Стефана, которая, в свою очередь, примыкала к дворцу Дафны. Церковь Святого Стефана и дворец Дафны использовались императорами для самых серьезных и торжественных мероприятий. Тронный зал располагался в прилегающем Золотом триклиние, то есть «золотой столовой», которую в конце VII века закрыли куполом. Трон, чем-то похожий на алтарь, стоял в апсиде в конце длинного зала. В этом месте пол поднимался над основным уровнем зала и был покрыт золотым ковром. На возвышение вели ступеньки из порфира. Трон, как и все прочие, используемые императорами, представлял собой ложе под пологом с двойной спинкой и подставкой для ног. Свод апсиды был украшен смальтовой мозаикой с изображением Христа и надписью: «Царь царей». Вплоть до X века этот зал оставался самым главным и священным из всех. В нем хранились императорские регалии и стояли два органа, инкрустированные драгоценными камнями. Именно здесь появился механический трон, заказанный Феофилом и удивлявший приходивших на аудиенцию послов. Позади трона полукругом, повторяя форму апсиды, стояли самые выдающиеся представители личной охраны императора, распределенные по национальному признаку. Те, кого император желал отметить особенно, располагались ближе к нему, чем все остальные. За ними вставал второй полукруг, из менее важных

стражников в доспехах. Третий, и последний, полукруг состоял из людей еще более низкого положения, в основном, если воспользоваться византийским словом, «варваров», то есть из варягов. На них не было доспехов, но они держали в руках пики и щиты, а на плече у каждого висел боевой топор.

Феофилу не нравился Золотой триклиний, и в 838 году он построил себе дворец Триконхий. Его название происходит от слов «три» и «купол», поскольку его венчали три купола. В нем был зал, разделенный на три параллельные секции колоннами, которые поддерживали купола. В здании насчитывалось три входных двери; центральная была сделана из серебра, а две других – из бронзы. Очевидно, трон Феофила стоял под центральным куполом, а его жена и сын сидели по обеим сторонам от него. Считается, что именно этот дворец стал прообразом церкви Неа, возведенной в пределах комплекса в 881 году. В 1042 году, когда Зоя и Феодора стали править совместно, трон Зои всегда ставили чуть впереди трона ее младшей сестры. Рядом с ними полукругом стояли стражники-варяги, держа в руках обоюдоострые мечи, называвшиеся «ромфаи». Отдельным полукругом стояли фавориты и приближенные императрицы. Все держали очи долу в знак уважения.

В комплексе было еще бесчисленное множество залов, соборных палат и парадных комнат, каждая из которых использовалась для определенного вида церемоний. Одними из самых важных были: Оноподион (вестибюль дворца Дафны), Палата кандидатов (для военнослужащих дворян), Зал экскубиторов (экскубиторы входили в дворцовую стражу, которая выступала в роли императорской охраны), Лихны (круглое сооружение с куполом рядом с Трибуналом (то есть судом), где принимали императора во время его визита в Трибунал) и значительнее всех Халке – роскошное строение, из которого можно было попасть в любое здание комплекса. Со времен правления Юстиниана в Халке сделали комнату с куполом, стены которой внутри были облицованы мрамором, а потолок украшали смальтовые мозаики. Две мозаики представляли собой портреты монархов: на одном был изображен Юстиниан, на другом – он же с Феодорой. По-видимому, обе мозаики походили на величественные мозаичные портреты Юстиниана и Феодоры, сделанные приблизительно в то же время и сохранившиеся до наших дней в Равенне. На одной линии с Халке, к северу от нее,

другие ворота в форме павильона соединяли дворец с императорской ложей на ипподроме. Со стороны ипподрома они были отделаны пластинами из слоновой кости, пожалуй самыми впечатляющими из всего, что было когда-либо сделано из этого редкого и прекрасного материала.

В пределах дворцового комплекса насчитывалось множество церквей и часовен. Одними из самых чтимых были молельня Святого Феодора, расположенная в Золотом триклинии или около него, Сигма и баптистерий. Знаменитый маяк, Фарос, указывавший морякам безопасный путь в гавань и посылавший сигналы в удаленные районы империи по эстафетной системе, стоял на мысу в пределах комплекса. Были здесь также несчетные здания для прислуги, кладовые, шелкопрядильни, императорские фабрики и мастерские, где изготавливались предметы роскоши высочайшего качества для самого императора. Личные конюшни императора, в которых жили боевые и охотничьи лошади и пони для игры в поло, находились совсем близко. Существовали и конюшни для беговых лошадей, принимавших участие в скачках на ипподроме. Они стояли недалеко от ворот и открывались прямо на беговую дорожку; в них поддерживали безупречную чистоту. Над каждым стойлом висела золотая лошадиная сбруя. Псарни, в которых находились собаки и гепарды, использовавшиеся императором во время охоты на оленей и медведей в Малой Азии, и клетки с соколами, пускаемыми в погоню за зайцами и дикими птицами, соседствовали с его личным зверинцем, в котором содержались заморские звери. Рядом помещались птичник, арсенал, монетный двор, сокровищница, архивы. Считается, что в комплексе работали 20 тысяч слуг. Сам же комплекс включал еще Жемчужный дворец, где императорская семья жила летом, и прочие дворцы, куда они перебиралась на зиму. Были также резиденции, служившие для определенных целей, как Пурпурный дворец или Комната для новобрачных в императорском дворце у вод Мраморного моря. В последнем находилась ванная комната, которой императрица пользовалась всего три дня после свадьбы, когда была обязана принимать ванну в соответствии со строго оговоренными правилами. Так, в конце третьего дня обе фракции собирались у ванной комнаты.

Рис. 11. Охота на крупных диких зверей

Под бдительным надзором консула и под аккомпанемент трех органов туда вносились чистое белье, коробочка духов, шкатулка с драгоценностями, кувшины и тазы. Далее императрица с двумя придворными дамами по обеим сторонам от нее и одной позади, каждая из которых несла по алому гранату, усыпанному драгоценностями, входила в ванную. Террасу императорского дворца украшали статуи. По сохранившимся свидетельствам, последним там установили бюст императора Фоки (602–610). В IX веке дворец опустел, а вскоре был превращен в университет. Огромный зал, в котором стоял знаменитый трон Соломона, оказался очень удобной аудиторией для лекций. Своим строением он был очень похож на базилику[5] с тремя приделами, завершающуюся в центральной апсиде. До этого многие императоры предпочитали дворец Дафны императорскому дворцу. Он был самым старым из всех зданий комплекса и появился во времена Константина I. В него можно было пройти из одного обеденного зала.

До наших дней сохранились всего два фрагмента руин, которые помогают нам приблизительно представить внешний вид этих строений. Оба находятся в Стамбуле. Один из них – часть Влахернского дворца, стоявшего рядом с северо-восточной стороной городских стен. Другой – по ошибке названный домом Юстиниана – возвышается на краю скалы над Мраморным морем и датирован VIII веком. Судя по их виду, дворцовые здания, вероятно, напоминали фасады строений,

изображенных на настенных мозаиках VI века в церкви Сант-Аполлинари Нуово в Равенне или руины римских домов в Остии. И те и другие руины подтверждают, что здание было прямоугольным со строго прямыми линиями. Влахернский дворец имел изначально три этажа, а дом Юстиниана – два. В обоих были большие пропорциональные окна, что делало комнаты очень уютными. Также они доказывают – насколько это можно понять из их вида, – что византийцы тонко чувствовали природу и любили ее во всех проявлениях. Это заметно по тому, как изображены деревья, цветы, сцены из жизни крестьян на прекрасных мраморных мозаиках на полах, украшающих своего рода крытую галерею, или перистиль, открытую в помещениях Большого дворца. Восхитительные места, которые византийские монахи избирали для постройки монастырей, также говорят об их любви к природе.

В Большой дворец входили через внушительные бронзовые двери. А внутри в окружении немыслимой роскоши билось сердце Византии. К VI веку, когда Юстиниан установил там бронзовых коней, которых привез из Эфеса, здесь скопилось немало произведений искусства, и дворцовый комплекс превратился в настоящий музей. С VIII века к этой коллекции стали регулярно добавлять статуи императора и героев империи. Многие из них устанавливали рядом с Залом суда, расположенным около главных ворот, откуда через малые залы можно было пройти в анфиладу столовых. В самой прекрасной из столовых стояли 19 диванов, а золотое блюдо, используемое в ней, хранилось в помещении под названием Кастресиакон, в который вели двери из слоновой кости; здесь всем ведали старшие служанки из свиты императрицы.

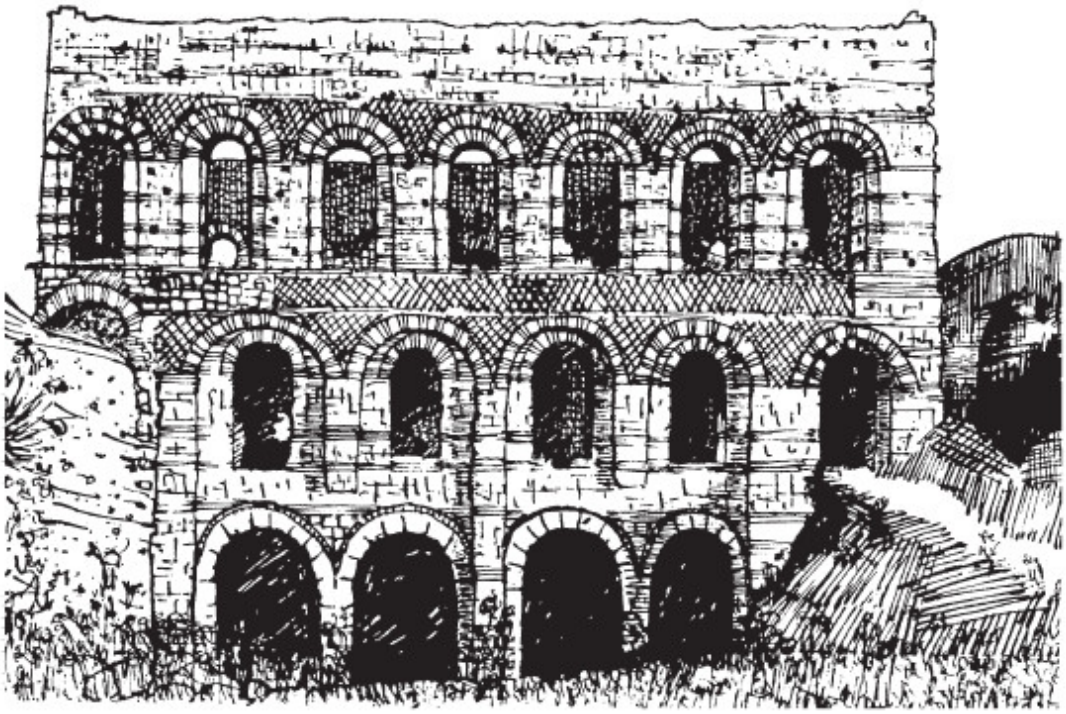

Рис. 12. Влахернский дворец

В другом зале насчитывалось 36 диванов, а в одном из малых – 12. Торжество в честь дня рождения императора проводилось в триклинии Юстиниана, где после мясных блюд могли выступить танцовщицы. В дошедших до нас источниках говорится, что самый большой стол был такого размера, что вокруг него вставало 36 диванов. Он был сделан из золота. В X веке германский посол Лиутпранд был потрясен во время обеда при дворе, когда заметил, что все гости едят с золотых тарелок, а фрукты лежат в золотых чашах, столь огромных и тяжелых, что их невозможно было поднять. Их спускали с потолка на веревках, убранных в позолоченные кожаные чехлы и прикрепленных к механическому устройству, с помощью которого чаши передвигали от одного гостя к другому.

С VIII века императоры начали строить новые дворцы. Большой дворец стал слишком громоздким и потерял монаршую любовь. Еще в VI веке Юстин II (565–578) стал чаще пользоваться Влахернским, чем Большим дворцом. Влахернский дворец находился, как мы уже видели, на противоположной стороне города относительно старого дворца, рядом с церковью того же названия, выстроенной императором Марцианом (или Маркианом) (450–457) и его женой Пульхерией,

однако только в XI веке Алексей I Комнин (1081–1118) решил окончательно покинуть Большой дворец и переехать сюда. В XI и XII веках Влахернский дворец снискал любовь благодаря своим дворикам, одетым в мрамор, центральному залу, облицованному порфиром, и изобилию золота в отделке. Тем не менее Алексей и его семья жили там относительно скромно. Только во время правления Мануила I Комнина (1143–1180) Влахернский дворец стал центром веселой придворной жизни. Мануилу дворец пришелся по сердцу, и он заполнял его красивыми предметами. Этот император был большим любителем развлечений, готовым придумывать необычные забавы. На его празднествах никто не скучал. Он часто удивлял гостей новыми потехами собственного изобретения. Так, например, Мануил устраивал турниры на западный манер и приглашал на них дам. В 1204 году, когда Константинополь захватили крестоносцы, решив остановиться здесь и не пытаться спасти Святую землю от мусульман, Влахернский дворец был разграблен и разрушен. Латиняне оставались в городе до 1261 года, когда Палеологи вошли в Константинополь и заняли византийский трон. К тому времени императоры жили в сравнительной нищете. К концу XIV столетия даже на государственных приемах им приходилось есть из глиняной посуды, а не из золотой или хотя бы серебряной. Императорская семья испытывала такие серьезные финансовые затруднения, что Анна Савойская, жена Андроника III (1328–1341), была вынуждена заложить свои драгоценности венецианцам всего за 30 тысяч дукатов. Ей так и не удалось собрать эту относительно небольшую сумму, чтобы выкупить их, поэтому они остались собственностью Венецианской республики.

Двери всех императорских дворцов закрывались ежедневно в три часа пополудни и открывались на рассвете следующего дня. Обязанность закрывать и открывать их возлагалась на старшего привратника, который был также священником. Частная жизнь императорского семейства начиналась в момент закрытия дверей. Теплыми летними вечерами мужчины могли заниматься спортом, например стрельбой из лука, метанием копья или теннисом, наблюдать за поединками боксеров или силачей. Константин VIII дал новую жизнь гимноподии, которая представляла собой вид борьбы, напоминающей бои гладиаторов. В VI веке в Константинополь с Востока пришли шахматы и шашки, в которые вскоре стали часто играть при дворе.

Константин VIII имел почти маниакальную страсть к шахматной доске и игре в кости. В IX веке Феофил привез из Персии поло. Оно быстро приобрело популярность в Византии. Матчи часто устраивались на ипподроме Константинополя и в других городах. Эта игра не потеряла своих почитателей даже в XIII веке, когда во время образования Трапезундской империи в Трапезунде была заложена площадка для игры в поло. Константинопольским императорам так нравилось поло, что многие из них играли на своих личных площадках, а когда погода портилась, к их услугам были шуты, карлики, мимы и акробаты, готовые развлекать своих монархов.

В правление династии Комнинов жизнь была веселой и беззаботной, ориентированной на Запад и на все новое. Императрицы этого семейства любили давать балы, организовывать концерты и спектакли с участием мимов в своих загородных усадьбах, которые располагались на окраинах столицы, неизменно среди прекрасных пейзажей, где императоры с давних времен строили охотничьи домики и замки. Феодора выбрала место для своей любимой усадьбы на азиатском берегу Босфора.

Несмотря на то что жизнь в Византии была упорядочена до мелочей, бедные жители Константинополя испытывали столь острую нужду даже в предметах первой необходимости, что им нечего было терять, выражая свой протест. Поэтому они никогда не боялись выказать недовольство и часто выступали столь бурно, что, даже когда передача власти по наследству была закреплена законами, в столице все равно случались беспорядки. Нередко это приводило к смене правителя. Если восстание увенчивалось успехом, толпа на радостях плясала на улицах и слагала песни о произошедшем, как это было в 1042 году, когда был низложен Михаил V. В 1057 году граждане Константинополя выразили благодарность Исааку Комнину за свержение Михаила VI, зажигая факелы в его честь, брызгая благовониями и танцуя на улицах. Дворцовые революции также зачастую неожиданно приводили на трон нового монарха и, таким образом, временами приносили беду отдельным людям или всей стране. В итоге девять династий и несколько узурпаторов сменяли друг друга на византийском троне. Однако с самого начала пост императора, а нередко и он сам, вызывал глубокое уважение всех жителей империи. Диоклетиан был первым римлянином, который заявил о божественном

начале монарха. В Византии император был наместником Бога на земле, и это обеспечивало ему почитание подавляющего большинства его граждан, исповедующих христианство. Церемониал, разработанный церковью для императора, тоже способствовал пробуждению подобного отношения. Более того, на раннем этапе византийской истории влияние ее самого серьезного противника, Персии, где сасанидские правители считались богоподобными, помогло императору утвердиться в том, что его пост дает ему право на уважение и даже обожание подданных.

Хотя Персия и Византия постоянно находились в состоянии войны друг с другом, борясь за главенство в мире, пока в VII веке их не опередили арабы, благоговение, которое персы испытывали к своим монархам, привлекало византийских императоров. Однако никто из них никогда не отделял себя от своих граждан до такой степени, как сасанидские цари, хотя они всячески старались подчеркнуть собственную неповторимость и важность. Диоклетиан ввел понятие «богоизбранный царь». Константин закрепил его, запретив носить пурпурные одежды и обувь всем, кроме членов своей семьи. Вскоре все, кроме патриарха Константинопольского, обязаны были падать ниц, приветствуя императора. Члены правительства, или Священной консистории, собираясь в присутствии императора, хотя и не должны были падать ниц, но все заседание проводили стоя.

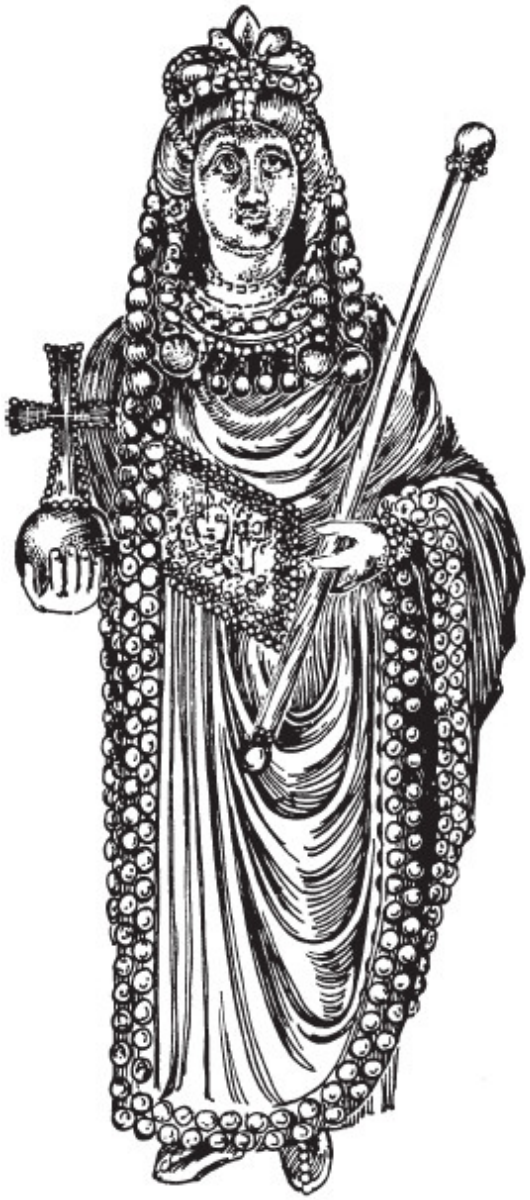

Рис. 13. Императрица Ариадна с регалиями

Продуманный до мелочей придворный церемониал усложнялся с течением времени с единственной целью: усилить блеск, окружающий монарха, и таким образом повысить и его личный статус, и значимость занимаемого им поста. Все его официальные выходы были четко спланированы и проработаны, точно какой-нибудь балет, представляемый неизменно в окружении великолепия. Так, например, в начале

V века к празднованию крещения сына императора Аркадия, будущего Феодосия II (408–450), улицы Константинополя украсили шелковыми полотнищами, вышитыми золотом и другими драгоценными материалами. В те времена секрет производства шелка еще не был известен на Западе, поэтому его доставляли караванами из Китая по очень высокой цене. Все вельможи, принимавшие участие в процессии, шествовавшей к собору и из него, надели белое, напоминая, по словам очевидца, облако снежинок. Самые высокопоставленные сановники империи возглавляли процессию. За ними следовали императорские полки с зажженными свечами в руках, сверкающими, словно мириады звезд. Высокопоставленный аристократ нес монаршего ребенка, а отец-император, одетый в пурпур, шел позади. Даже зеваки были в нарядных одеждах.

Придворный церемониал был не только сложным, но и строго определенным. К X веку он стал таким замысловатым, что просвещенный и талантливый император Константин VII Багрянородный счел необходимым подробно описать его в «Книге церемоний». Император был историком и выдающимся писателем и написал для своего сына «Книгу управления». По большей части знанием о жизни византийского двора и властей мы обязаны этим двум работам. В первой Константин определил церемонию как «внешнее проявление внутренней гармонии» и заметил, что «ритуал помогает повысить значимость монарха». «Магистральная линия» церемоний закладывалась еще при Юстиниане, когда были выработаны основные принципы, которые надлежало соблюдать в ходе коронаций, рождения императорских отпрысков, венчаний и погребений, как и отъезда монарха из столицы и его возвращения, во время его пребывания на мероприятиях, например на бегах на ипподроме, во время приема послов, во время религиозных и государственных праздников. Но досконально все было описано только в X веке. Тогда даже изобретения в области механики использовались, чтобы подчеркнуть сверхчеловеческую природу монарха. Самым занимательным в этом ряду был механический трон, заказанный Феофилом. Однако и менее технически оснащенные троны выглядели впечатляюще, поскольку были изготовлены из дорогих материалов, отделаны драгоценными камнями, увенчаны балдахинами, обиты редкими и дорогими тканями

и стояли на возвышении. К ним прилагалась изысканно украшенная скамеечка для ног.

Когда император покидал столицу, его провожали до определенной точки на границе города сыновья, патриарх, сенаторы и старшие офицеры армии и флота. Когда он возвращался, все они встречали его на этом же месте. Если он возвращался из европейского похода, приветственная церемония проводилась в замке Эбдомон, стоявшем рядом с западными стенами города. Часто все происходило в павильоне, располагавшемся поблизости. После приветственной церемонии император имел обыкновение въезжать в город во главе отряда своих телохранителей через Золотые ворота, следовать по Месе, или Главной улице, мимо форума Феодосия и форума Константина, огибая ипподром, к Большому дворцу.

Император в своем статусе посланника Христова должен был выполнять некоторые обязанности в ходе религиозных торжеств, каждое из которых проходило по определенному канону. Многие языческие обряды были включены в христианский ритуал. Так, например, 15 августа, по языческому обычаю, праздновался сбор винограда. В этот день император и патриарх выезжали из столицы во главе шествия на какой-нибудь не слишком удаленный виноградник, чтобы возглавить праздник урожая. В таких случаях ноги и хвост императорского коня украшали шелковыми лентами и надевали на него упряжь с драгоценными камнями. До конца X столетия, когда был установлен день Рождества, 25 декабря по традиции устраивали праздник в честь бога Солнца. На всех торжествах император, олицетворяющий бога Солнца, исполнял нечто вроде традиционной пантомимы и появлялся перед подданными в нимбе, который изначально был символом бога Солнца. До того времени рождение Христа праздновалось 6 января, когда в одном из залов для аудиенций Большого дворца перед собранием высоких гостей император вручал получившим новое назначение или повышение вельможам государственную бумагу, знак новой должности и дощечки из резной кости, похожие на те, которые известны нам сейчас как консульские диптихи. Вельможи готовились к важному событию, постясь весь предшествующий день. Они принимали бумагу от императора коленопреклоненно. Перед началом торжества стража монаршей спальни встречала гостей у дворцовых ворот и провожала их в зал для

аудиенций, где они ожидали императора. Когда он входил в зал, все должны были приветствовать его в соответствии с их должностями. Сенаторам дозволялось поцеловать грудь императора справа, когда он наклонялся, чтобы поцеловать их в макушку. Людям более низкого положения предписывалось упасть на пол и поцеловать ступню императора, протянув руки вперед, – эта поза называлась «проскинез», она до сих пор используется в некоторых религиозных орденах, когда монахи или монахини приносят обеты.

Церемония приема послов была очень похожа, но начиналась, когда посланник и его приближенные достигали границы Византии. Если делегация приезжала из Персии, ее встречали на Евфрате. Комитет по встрече, имеющий при себе монаршие подарки, собирался там, чтобы приветствовать посланника. Подобные церемонии повторялись во всех региональных столицах, через которые пролегал путь посла в Константинополь. Местный правитель преподносил ему подарки, ценность которых разнилась в зависимости от важности посла. По приезде в Константинополь посла и его приближенных провожали в отведенный для них дом. Там они смиренно дожидались, пока император соизволит их принять. Во все это время их ежедневно снабжали едой. В день, избранный для аудиенции, дары, привезенные послом от своего монарха императору, и те, которые он сам должен был получить от императора, выставлялись во дворце на всеобщее обозрение. Императорская стража в парадной форме, состоящей из золотых шлема и нагрудной пластины, надеваемой поверх белых одежд, с копьями ехала к дому посла, где посол и его приближенные в самых нарядных одеяниях ожидали их. Посол садился на коня под изысканной попоной, которого специально для него выбрали на императорских конюшнях, и все отправлялись по улицам, украшенным коврами и полотнищами, вывешенными в честь посланника из окон и с балконов домов на его пути. Это было настолько восхитительное зрелище, что впоследствии венецианцы украшали так же свои улицы по праздникам.

Рис. 14. Император с регалиями

У входа во дворец посла встречал старший офицер, который проводил его вместе с толмачом и эскортом в зал для аудиенций, где на возвышении стоял трон, скрытый от глаз роскошными полотнищами. В нужный момент они раздвигались и открывали сидящего там императора в официальном одеянии и короне. На нем была длинная прилегающая мантия из драгоценной парчи, украшенная по шее, по талии, по центру спины и по переду каймой из вышивки и драгоценных камней. Короны слегка меняли форму в зависимости от времени, за исключением великолепной короны Мономаха XI века, находящейся в Будапеште, изготовленной из восьми золотых пластин, покрытых

эмалью. Очевидно, свечение, исходившее от короны и камней, объясняет, почему один потрясенный гость сравнил костюм императора Мануила Комнина (1143–1180) с «лужайкой, покрытой цветами».

Завидев императора, всем полагалось пасть на колени. Когда величие этого зрелища производило достаточное впечатление на всех, кому выпало такое счастье, посла подводили к трону. По пути он должен был трижды остановиться и преклонить колено перед базилевсом. Дойдя до трона, он протягивал верительные грамоты распорядителю церемоний и приветствовал императора от имени своего монарха. Император отвечал, осведомившись о здоровье последнего. Если речь шла о царе персидском или калифе багдадском, император называл его братом, а если о европейском правителе, то сыном. После он назначал день, в который послу надлежало вернуться во дворец, чтобы обсудить государственные дела.

По окончании миссии посла император устраивал торжественный обед в его честь. Гости усаживались в строгом порядке в соответствии с должностями. Столы, используемые на таких обедах, мы бы назвали Т-образными, однако византийцы, жизнь которых строилась на христианской вере, описывали их как имеющие форму полукреста. Во главе – то есть на перекладине креста – был «высокий» стол, сделанный из золота. Император восседал в центре его в пурпурной мантии поверх белой туники. По левую руку от него сидела императрица. Гости-мужчины и его конюшие, все с почетными лентами, располагались по правой стороне этого стола, а дамы – по левой. Довольно долго (по мнению некоторых ученых, до X века) все они сидели на диванах на римский манер, хотя, обедая без посторонних, императорская семья, по всей видимости, пользовалась стульями с давних времен. Придворный вельможа, называвшийся «силентарий», держал скипетр и стоял позади императора на протяжении всего обеда, а придворная дама с жезлом в руке стояла позади императрицы. Если заезжий посол представлял сильное государство, его усаживали за «высокий» стол. Если нет или если император желал оскорбить его, его усаживали за поперечный стол, где размещались его толмач и эскорт. В X веке Лиутпранд Кремонский, посол императора Германии, был так разгневан тем, что его определили за стол для низких сословий, в то время как посол Болгарии сидел за «высоким» столом, что не смог насладиться

музыкой, пантомимой и танцами, представленными для увеселения гостей.

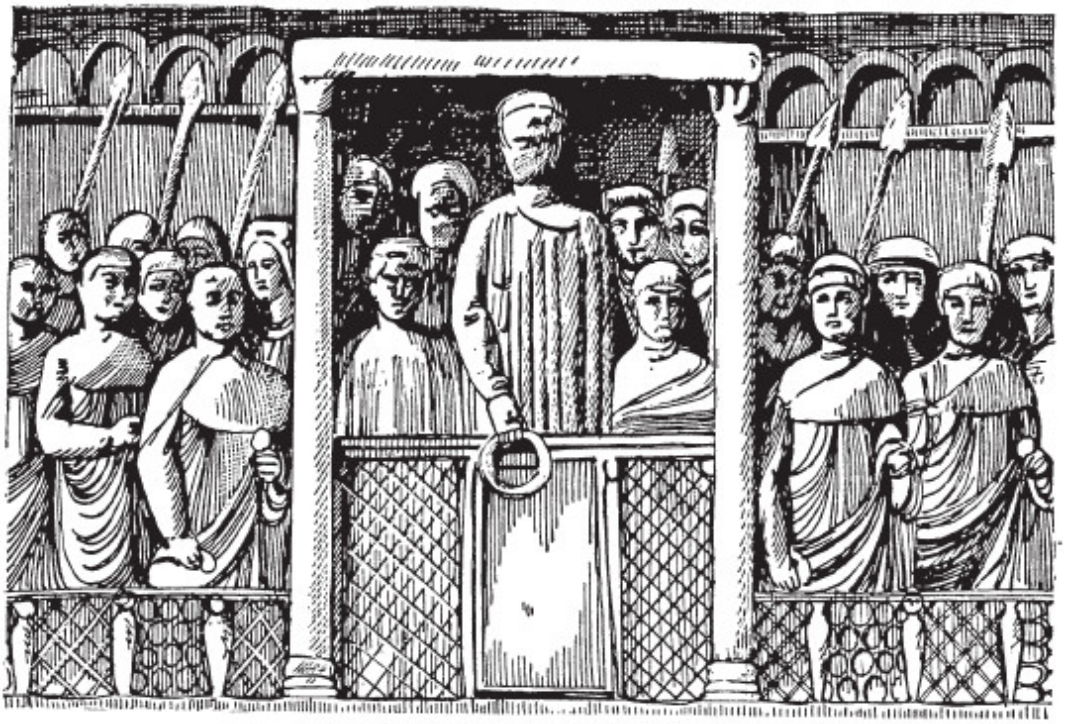

Рис. 15. Император Феодосий с придворными и стражей в императорской ложе на ипподроме

Если император пребывал в Константинополе или другом крупном городе, он должен был присутствовать на играх в цирке или на гонках колесниц на ипподроме. Несмотря на свое языческое происхождение, развлечения подобного рода проводились почти регулярно на протяжении всей истории Византии, и не только в Константинополе, где ежегодно 11 мая играми праздновалось основание города, но и на провинциальные ипподромах. Основной составляющей этих торжеств была гонка на колесницах, причем в каждую было запряжено четыре лошади в ряд. В Константинополе старт гонкам давал император. Делал он это, бросая белый носовой платок, называвшийся «маппа». Четыре забега проводилось утром и четыре после полудня. В промежутке император давал обед. Во время Готских игр он проводился в «зале девятнадцати диванов». По окончании каждого дня император вручал призы абсолютным победителям. Они состояли из оригариона (золотого символа), серебряного шлема и пояса. В перерывах между

забегами зрителей развлекали мимы, танцоры, акробаты и циркачи, многие из которых выступали под аккомпанемент органов и лютней. Высокопоставленные гости из Киевской Руси были так потрясены этими увеселениями, что в XI веке великий князь Киевский приказал изобразить некоторые их сцены на стенах лестницы, ведшей к его скамье в киевском соборе Святой Софии. Многие из тех рисунков сохранились до наших дней и оказались единственными известными нам изображениями этих увеселений.

Как единоличный источник закона и порядка, император был довольно занятым человеком, его день был долгим и насыщенным. Императора будили ежедневно в шесть утра тремя ударами в дверь. Он вставал и одевался без посторонней помощи, обходясь без каких-либо церемоний, подобных той, которую позднее ввел Людовик XIV, король Франции. Она известна нам как lever du roi[6]. Из своей спальни император шел в Золотой зал, чтобы помолиться перед иконой Спасителя, находившейся там в специальной нише. После чего садился на трон и завтракал. Поев, он принимал управляющего двором и обсуждал с ним распорядок дня. Потом наступал черед министров и вельмож, у которых были безотлагательные дела к монарху. Все приходили к нему в роскошных мантиях с изысканной вышивкой, которые приличествовало носить на занимаемом ими посту. В присутствии императора всем, кроме патриарха, полагалось стоять. Покончив с делами, министры удалялись, а патриарх часто оставался отобедать с императором. Перед тем как войти в столовую, они оба снимали свои мантии и надевали их только в конце обеда; перед уходом патриарх обнимал императора.

Император был обязан подписывать практически все государственные документы. Поначалу они составлялись на пергаменте, но в XI веке появилось некое подобие бумаги, называвшееся «бомбазин» (поскольку оно изготовлялось в Багдаде). Имя и титулы императора писались в шапке любого документа очень крупными буквами и особым шрифтом. Император ставил свою подпись в конце страницы пурпурными чернилами. Всеми письменными принадлежностями ведал особый высокопоставленный вельможа. Он был должен предоставлять пурпурные чернила за собственный счет и вряд ли мог хоть сколько-нибудь компенсировать эти расходы тем влиянием, которым обладал. Каждый документ,

подписанный императором, регистрировался в архиве. Особый правительственный отдел отвечал за перевод тех сообщений, которые посылались за границу. Списки с переводов присоединялись к спискам с оригиналов и хранились вместе с ними. Особые грамоты, известные как «буллы», часто писались золотом. Если наверху в ней изображался Христос и император в официальной мантии и короне, ее называли «хризобуллой», то есть «золотой буллой».

Хотя императоры были людьми занятыми и жизнь в Византии (особенно при дворе) строго регламентировалась четко проработанными предписаниями, было бы ошибочно считать правителей этой империи простыми марионетками. Все они обладали самобытными характерами и яркими индивидуальностями. У многих был широкий круг интересов, и они проводили часы досуга, занимаясь личными делами. Некоторые отличались общительностью и часто приглашали гостей, чтобы те разделили трапезу с императорским семейством, а часто сами с радостью принимали приглашения отобедать в домах своих подданных. Все они вели полноценную семейную жизнь, не выставляя ее на обозрение. Юстиниан старался проводить все свободное время с Феодорой, в которой души не чаял, для чего ему приходилось просыпаться на рассвете и ложиться очень поздно, а иногда и вставать среди ночи, чтобы почитать или позаниматься. Он не ел мяса и не пил вина. Никифор Фока (963–969) и Василий II (976—1025) также были умеренны в еде и питье. Лев VI взял себе за правило гулять по улицам Константинополя по ночам, тайно и в одиночестве, чтобы своими глазами видеть, исполняет ли полиция его приказ арестовывать бродяг. Однажды ночью, переодетый бродягой, он убедил двух дозорных отпустить его, но третий проигнорировал его мольбы и отправил в тюрьму. Утром Лев наградил последнего и строго отчитал первых двух. Еще он очень любил без предупреждения посещать монастыри и оставаться там на обед. Михаил IV (1034–1041) жил в страхе перед восстанием и часто объезжал улицы Константинополя, выглядывая, не собираются ли люди в группы и не замышляют ли чего-то против него. Константин VII Багрянородный в свое правление увлекался написанием и иллюстрированием книг. Феодор Ласкарис тоже был прекрасным каллиграфом и иллюстратором книг. Почти все императоры

покровительствовали искусству и были страстными собирателями красивых предметов.

Когда император умирал, его тело помещали в Зале девятнадцати диванов в короне, дивитиссоне, хламисе и пурпурных туфлях. Духовенство из собора Святой Софии и сенаторы стояли вокруг него и пели панихиду. После троекратного крика: «Иди, император: Царь царей, Бог богов призывает тебя», тело переносилось в Халке императорской охраной. А оттуда его несли по Месе к последнему покою. Иногда для этого избирали какую-нибудь церковь. Роман Лакапин и его жена Феодора были погребены в церкви Мирелайон. Когда траурная процессия достигала последнего пристанища покойного монарха, распорядитель делал шаг вперед и снова провозглашал: «Входи, император: Царь царей, Бог богов призывает тебя». Потом он выкрикивал: «Сними корону свою». С этими словами корону снимали с головы почившего императора и на ее место возлагали пурпурный венец. После чего гроб закрывали, и начиналось погребение. Похожий ритуал проводился в случае смерти императрицы.

Глава 3
Церковь и духовенство

Император Юстиниан написал предисловие к сборнику юридических кодексов, изданных под названием «Шестая новелла». В нем он высказывал мнение о том, что «величайшими дарами, которые Господь в своей любви к человечеству послал людям, являются религия и империя, поскольку первая служит делам божьим, а вторая – делам земным». Византийцы разделяли его убеждение, многие из них сравнивали империю с человеческим телом, а церковь – с душой. Вполне естественно, что при таком отношении простые люди были столь же близки к религии и церкви, как император и духовенство. И неудивительно, что так обстояло дело в начале византийской истории, поскольку годы становления христианства были отмечены все возрастающим недовольством старыми и дотоле широко распространенными верованиями, например культом Солнца, митраизмом[7], зороастризмом или почитанием богов, принятым в Греции и Риме. Христианство предлагало некоторый моральный кодекс, который вселил надежду в самые разочарованные сердца. Его представление о едином Боге как о высшей силе, управляющей всем в жизни, привлекло тех, кто разуверился в ссорящихся по пустякам злобных обитателях Олимпа. Возможности, которые христианство предлагало женщине, открыли дорогу ее развитию, которое неизбежно сказывалось на повседневной жизни. Более того, каждый новообращенный понимал, что лучшая жизнь на земле и спасения души в будущем зависят от его стремления жить в соответствии со всеми канонами новой веры. А эта убежденность, в свою очередь, приводила к тому, что он приписывал особую важность христианскому учению. Вера в то, что теологическая ошибка может помешать душе христианина попасть в Царствие Божие, прочно вошла в разум византийцев и оставалась там на протяжении всей истории империи, и в результате, даже в последние годы ее существования, всякий, кто исповедовал христианство, интересовался делами церкви так же основательно, как первые неофиты. Более того, само устройство империи помогало упрочить связь между церковью и государством, так

что они играли практически равнозначные роли в установлении законов, по которым жили люди.

Христианство имело, по существу, восточную природу. По этой причине оно нашло первых и самых страстных приверженцев в Египте, Сирии и Малой Азии. Духовная составляющая новой веры неожиданно нашла отклик у жителей этих регионов, их разум был гораздо более созвучен ей, чем разум несколько циничных греков или холодных, рассудительных римлян; у тех и других мировоззрение отражало культ богов классического периода. Константин оставался язычником, но не мог не замечать существования этих противоречий, поскольку вскоре после легализации христианства, еще в 325 году, он созвал совет духовенства в Никее. Священники собрались под его председательством, чтобы обсудить вопросы учения и в особенности то, что называется «ересью Ария», то есть они должны были решить, были ли Бог Отец и Христос одной природы или, как утверждали арианцы, отличались друг от друга, поскольку Христос, как сын Божий, появился после Бога Отца.

Семь крупных религиозных соборов созывались с того момента по IX век. Их стали называть Вселенскими соборами церкви. Второй собор, созванный в 381 году, утвердил патриарха вторым человеком в государстве после императора. Третий, собравшийся в 431 году, обсуждал несторианскую секту, члены которой поддерживали мнение Нестория Антиохийского, который считал, что человеческая природа Христа важнее Его божественной природы. Четвертый собор проводился в Халкидоне в 451 году, на нем спорили о двойственной природе Христа. В результате принятого решения египетская церковь отделилась от основной православной и стала называться коптской. К IX веку все основные вопросы учения были разрешены Вселенским собором церкви. В итоге приблизительно до середины XI века собрания стало посещать так мало священников, что они утратили свой обычный международный характер. Первое заседание Вселенского собора было, пожалуй, самым важным из всех, потому что на нем утвердили порядок действий, которому надлежало следовать в дальнейшем. Константин как председатель проявил инициативу и организовал дебаты по образцу римского сената, оставив за собой роль модератора. В результате византийским императорам предоставлялась возможность оказывать на дела церкви большее влияние, чем правителям других христианских

государств. Если император не мог лично присутствовать на соборе, он имел право назначить, кого пожелает, в качестве своего представителя. Поначалу папа и его легат считались вторыми по важности после императора на этих собраниях. Но, несмотря на то что папе разрешалось голосовать раньше императора, окончательное решение Вселенского собора должен был обязательно подписать император, а не папа. Естественно, вследствие этого люди предположили, что император несет основную ответственность за решения в вопросах веры, так же как и за борьбу с ересью.

В Византии ересей всегда хватало. Многие основывались на в корне неверной интерпретации Писания. В раннехристианские времена языческие верования и ритуалы были еще так широко распространены, что подавление любых уклонений в сторону от принятого учения было столь же необходимо, как и искоренение идолопоклонства. Трулльский собор, проведенный в Купольном зале в Константинополе в 692 году, одобрил такие суровые меры, которые впоследствии часто пересматривались и расширялись, однако оставались в силе вплоть до XII века. Они запрещали такие языческие обряды, как, например, вакхические празднования во время сбора винограда или празднование Первого мая.

Рис. 16. Евангелие на Святом троне. Заседание церковного собора в присутствии императора. Константинополь, 362 г.

Но церкви так и не удалось окончательно искоренить эти древние обычаи, приносящие людям радость. Осознав это, церковь постаралась включить их в христианскую доктрину. Празднование сбора урожая заменило вакхические ритуалы, события из жизни Христа стали отмечать в дни, которые были праздниками у язычников. На деле это оказалось гораздо проще, чем исправление неверного понимания Евангелия.

Проблемы учения очень беспокоили византийцев. Церковь быстро постановила, что любой, чьи взгляды отличаются от установленных ею, является еретиком. Арианцы были провозглашены безбожниками за то, что сомневались в полноте божественной природы Христа.

Превосходящая их численностью секта монофизитов попала под такое же порицание, поскольку ее члены верили в существование единого божества, полагая Отца, Сына и Святого Духа частями единого

целого и тем самым, по мнению церкви, отрицая человеческие свойства Христа. Из прочих активно обсуждавшихся ересей две оказалось истребить особенно сложно. Их распространяли члены павликианской и богомильской сект. Первая распространилась в IX веке, когда человек по имени Павел, сын манихейки[8], утверждал, что Бог (единый в трех лицах) создал только небесную сферу, включающую в себя небеса и их обитателей, а дьявол – человека и видимый мир. Также он считал, что Христос был ангелом и сыном обычной женщины (которую нельзя почитать), и Господь послал его, чтобы бороться со злом на земле. Богомилы были ответвлением павликиан. Больше всего людей им удалось обратить в Болгарии. Их необычные надгробия сохранились там и в Югославии, словно памятники забытому прошлому.

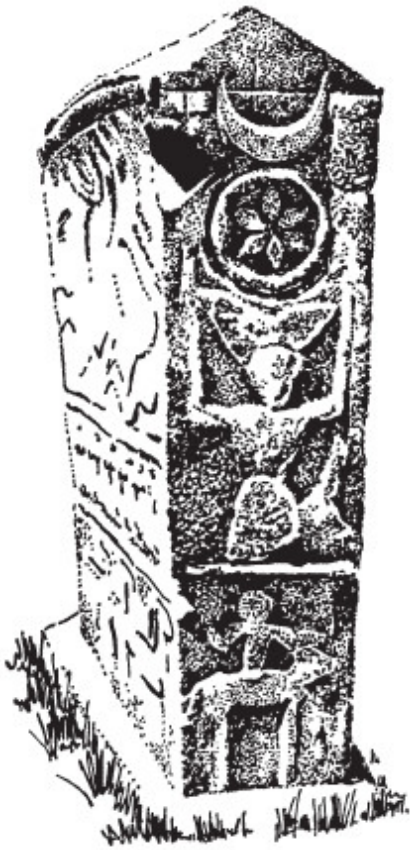

Рис. 17. Богомильское надгробие

Оказалось, что суеверия изжить так же непросто, как ересь. Вера в демонов и злых духов привела многих к поддержке павликианства и к поклонению сатане, некоторые даже дошли до того, что объявили его

старшим сыном Бога. Шесть видов демонов считались самыми опасными. Они населяли воздух, эфир, огонь и землю, а также жили под землей. И все требовали постоянных жертв. Дурного глаза боялись настолько, что в него до сих пор верят в отдаленный районах Ближнего Востока, где носят амулеты – как в ранневизантийские времена, – чтобы защититься от него. Даже в библиотеке Большого дворца хранилась иллюстрированная портретами императоров книга, которая могла предсказывать будущее империи. Уже в VIII веке Константин V советовался со своими астрологами, прежде чем сразиться с врагами. Так же поступал и Алексей I Комнин в XI веке. В итоге астрология считалась близкой к магии и поэтому яростно осуждалась церковью даже в XII столетии, когда многие ученые мужи уже признали астрологию наукой, но ее еще широко использовали с целью получения предсказаний. Это клеймо, прилепившееся к ней в ранневизантийский период, просуществовало на всем протяжении истории государства. Чтобы помочь верующим избежать всех смертных грехов, духовенство установило строгие правила для посещения церкви, отлучая от себя тех, кто не смог присутствовать на службе, на три воскресенья подряд. По воскресеньям, как и во все дни между Пасхой и Троицей, всем надлежало молиться стоя; это означало, что раннехристианский обычай вставать для молитвы утратил силу. Русские применили это предписание к любым действиям в церкви и придерживаются его по сей день.

Император играл столь важную роль в делах церковных, что в церкви его трон, часто из чистого золота, стоял рядом с троном патриарха, и его приглашали выполнить некоторые особые действия во время религиозных церемоний. Так, например, с ранних времен он появлялся на пасхальной службе закутанным в белые бинты, в сопровождении 12 спутников. С X века император кадил ладаном в Высоком алтаре в течение рождественской службы. Во время Великого поста он возглавлял шествие вокруг Высокого алтаря в церкви Магноры, кроме того, выполнял некоторые обязанности в Вербное воскресенье и в Великий четверг. Тем не менее император не мог навязывать свои взгляды церкви, если они противоречили взглядам духовенства. Церковь оставалась независимой в вопросах учения и, хотя и существовала под покровительством императора, все же имела власть, равную его власти. Но даже при этом, возводя патриарха

Константинопольского на пост главы православной церкви, император мог заявить: «Этот человек назначается патриархом Константинопольским милостью Божьей и нашей императорской властью, которая происходит от милости Божьей». Также патриарх не мог отлучить императора от церкви. В XI веке патриарх Михаил Керуларий попытался возвеличить церковь над короной. Он потерпел неудачу, но поднял престиж церкви настолько, что, когда репутация и могущество императора пошли на убыль из-за продвижения на запад турок-османов, церковь не утратила репутацию и могущество. Во время турецкого завоевания Константинополя церковь сохранила силу, и патриарх сумел убедить султана признать его власть над всеми православными христианами, живущими на оттоманских территориях, не исключая Балкан, и позволить ему организовать школу в Константинопольском патриархате, где будут преподавать византийское богословие и будут говорить и писать по-гречески. Таким образом, патриарх в Константинополе стал играть неоценимую роль в сохранении христианства и греческой культуры на оттоманских территориях, хотя печатные машины там установить было нельзя. Когда изобрели книгопечатание, книгу, требующуюся патриархату, приходилось заказывать в Венеции и перевозить в Константинополь. Отчасти по этой причине, отчасти еще и потому, что многие представители старшего духовенства бежали туда из покоренного Константинополя в поисках безопасности, Венеция также стала аванпостом православия.

Основной закон православной церкви был выработан, если не обстоятельно, то в основных вопросах, в IV и V веках, но небольшие изменения вносились на протяжении всей византийской истории. Решение использовать юлианский календарь, придуманный на закате Римской империи, начинать религиозный год одновременно с мирским 1 сентября и считать годы от предположительной даты сотворения мира, которое произошло за 5 тысяч лет до того, принималось церковью, а не императором. Также церковь отвечала за разделение территории на провинции, власть в которых передавалась митрополитам. Назначалось пять патриархов. Трое находились в древнейших городах империи: Риме, Антиохии и Александрии. Двое – в новых городах – Константинополе и Иерусалиме. Рим, как старейшая столица, имел превосходство над остальными. Константинополь, как

новая столица, считался вторым, но в своем положении «нового Рима» часто выполнял обязанности, ранее возлагавшиеся на «старый» Рим, и к нему перешли привилегии и почести последнего.

Когда в VII веке Александрия и Антиохия были захвачены арабами и включены в состав мусульманской империи, эта потеря весьма содействовала возвеличиванию патриарха Константинопольского.

Его положение также было немало усилено в 732 году решением Льва III передать Южную Италию, Грецию и Иллирию из-под контроля Рима под контроль Константинополя. Эта перемена вызвала возмущение папы. Неприязнь между лидерами двух церквей росла в результате иконоборческих противоречий. Вражда достигла апогея в конце VIII столетия, когда Карл Великий воспользовался размолвкой и заставил папу короновать его императором Запада. Этот шаг очень разозлил императора Византии, поскольку не только наносил оскорбление его достоинству, но и бросал вызов претензиям православной церкви на то, чтобы ее признали верховной властью. Отношения между ними все ухудшались и были окончательно испорчены в 1054 году, когда взбешенный папский легат, кардинал Гумберт, бросил буллу об анафеме на серебряный алтарь собора Святой Софии и в гневе удалился. Мануил I (1143–1180) пытался, правда безуспешно, провести примирение, что привело к последней размолвке между православием на Востоке и католичеством. Эта рана по-прежнему остается неизлеченной.

В 1204 году, накануне латинской оккупации Константинополя, император захотел улучшить отношения с западным христианским миром попыткой объединения с Римской церковью. Этот шаг был встречен крайне враждебно патриархом Константинопольским, который пользовался поддержкой византийского духовенства и народа. Латинское завоевание столицы только разожгло злость православной церкви. Тем не менее император постарался все уладить на соборе, созванном во Флоренции в 1439 году, когда он пытался добиться военной помощи от западного мира для отражения, как никогда, серьезной угрозы нападения турок-османов. Хотя совет размышлял до 1443 года, помощи не последовало. Православная церковь до сих пор вменяет в вину Европе, что та не пожелала сразиться с исламом. В те времена это вызвало такое негодование по всей Византии, что, когда победивший султан посоветовал Геннадию (которого назначил

патриархом завоеванного Константинополя) объединиться с Римской церковью, греческий прелат решительно отказался даже рассматривать такую возможность.

В византийские времена патриарх Константинопольский жил в роскоши. Он располагал жильем в соборе Святой Софии и в примыкающих зданиях, обладал личным дворцом. В его привычках было завтракать в одном из этих жилищ после утренней службы в соборе. Он часто принимал там императора. Кроме того, патриарх владел несколькими кабинетами и залами для заседаний, в которых вместе с собранием священников, известным как Священный синод, занимался делами церкви. Только епископы константинопольские имели право служить на нем, но когда церковные владения были поделены на провинции, названные митрополиями и управляемые митрополитами, а те – на епархии, порученные заботам епископов, и митрополиты, и автокефальные (то есть автономные) епископы призывались на такие собрания.

Конец ознакомительного фрагмента. Полный текст доступен на www.litres.ru

---

notes

Примечания

1

Сим победиши *(лат.). (Здесь и далее примеч. пер.)*

2

«To be born in purple» *(англ.)* — «быть знатного рода, быть отпрыском короля».

3

Евангелие от Иоанна, 4: 5—14.

4

Эскориал – дворец-монастырь и усыпальница, построенный по приказу Филиппа II в 50 километрах от Мадрида.

5

Базилика (от *греч.* «царь») – изначально – царский дворец или зал суда, в форме прямоугольного здания с двумя рядами колонн и полукруглым завершением; впоследствии такие здания передавались римскими императорами церкви и становились церквями, отсюда второе значение; затем название распространилось на храм любой архитектуры.

6

Пробуждение короля (фр.).

7

Митра – древнеиранский бог Солнца.

8

Манихейство – учение, согласно которому в мире постоянно происходит борьба Бога и дьявола, света и тьмы, окружающий мир – воплощение зла, задача человека – содействовать торжеству света. Основано персом Мани (ок. 215–276).